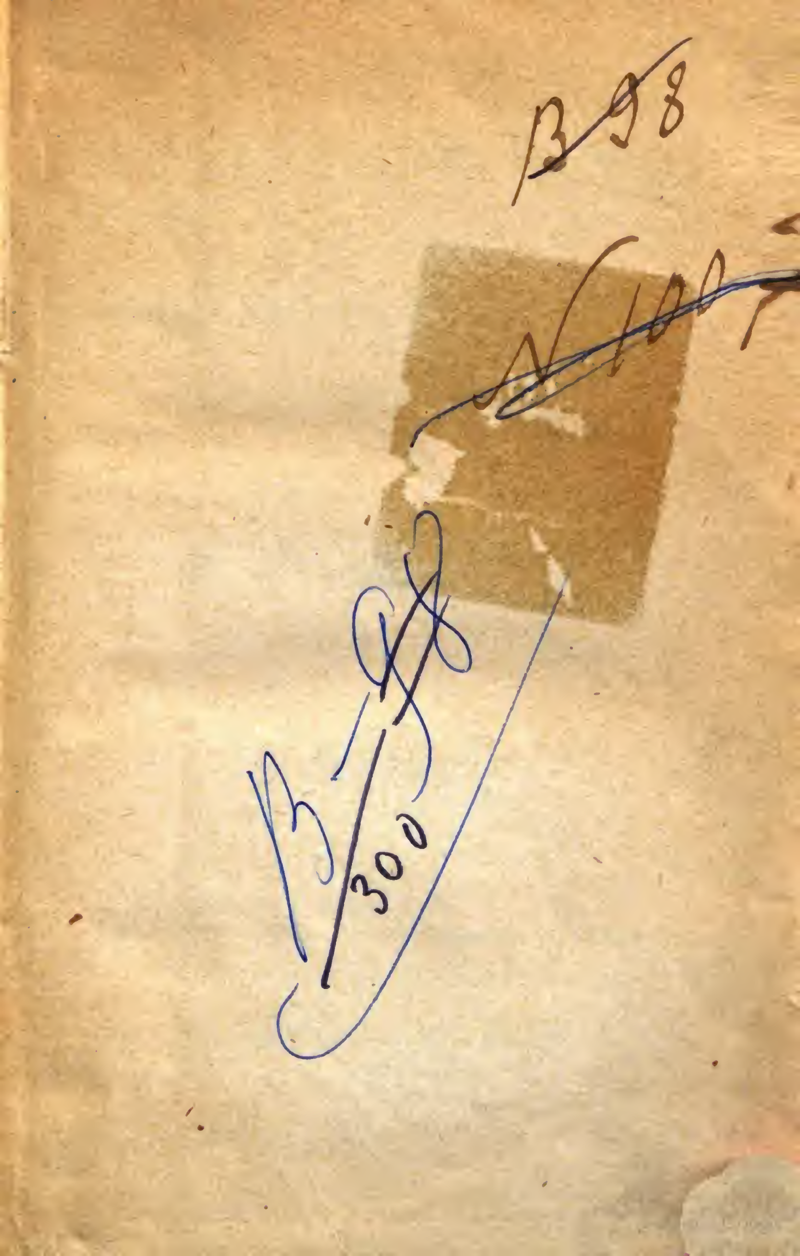
ПОЕМА ПОСЛЛ·ДНЯГО БАРДА. СОЧИНЕНИЕ ВАЛТЕРА...

Walter Scott, Kacenosvskij

B 98
B 98
300

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V.E. II
GOGOL
A
5279
ROMA

ПОЕМА ПОСЛѢДНЯГО БАРДА.

СОЧИНЕНІЕ ВАЛТЕРА СКОТТА.

Издалъ М. Каченовскій.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1823.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два екземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Іюня 21 1823 года. *О. Профессоръ, Докт. и Кавалеръ Иванъ Давыдовъ.*

Иждивеніемъ Императорскаго Московскаго Университета Коммиссіонера
А. С. Ширяева.

О жизни и писаніяхъ Валтера Скотта.

Сиръ Валтеръ Скоттъ родился въ Шотландіи. Отецъ его, благородный происхожденіемъ, служилъ Адвокатомъ, имѣлъ возможность дать сыну своему хорошее воспитаніе и доставить ему другія преимущества, пользуясь короткимъ знакомствомъ лучшихъ людей въ Единбургѣ. Первые годы проведены юнымъ Скоттомъ частію въ главномъ городѣ Шотландіи, частію же въ южномъ краю сего Королевства. Имѣя тѣлесный недостатокъ, онъ не могъ участвовать въ забавахъ рѣзвыхъ своихъ товарищей: сія-то самая жизнь сидячая, которую онъ долженъ былъ вести по неволѣ, можетъ быть, естественно пробудила въ немъ творческій геній, безпрестанно заставляя его предаваться или мечтамъ воображенія, или ум-

ственнымъ созерцаніямъ, всегда сладостнымъ для мыслящаго человѣка.

Красота мѣстоположеній, среди которыхъ Сиръ Валтеръ провелъ бо́льшую часть своей юности, кажется, была въ согласіи съ природнымъ его чувствомъ. Лѣсъ Етрикскій, простирающійся до самыхъ границъ Англіи, украшенный обширными озерами, въ холмахъ своихъ и долахъ представляетъ картину плѣнительнаго разнообразія. Нѣкоторые изъ холмовъ сихъ по высотѣ своей могутъ называться настоящими горами; между ними лежатъ долины, въ глубинѣ коихъ утомленный путникъ всегда найдетъ журчащій потокъ съ чистою, свѣжею водою. Въ лѣтнюю пору года сіи холмы, одѣтые пышною зеленью, питаютъ многочисленныя стада тучнымъ своимъ злакомъ, между тѣмъ какъ долины красуются всѣми дарами щедрой осени. Но зимою представляется совсѣмъ другое зрѣлище: тогда холмы и долы часто бываютъ покрыты

снѣгомъ, набросаннымъ страшною вьюгой; слухъ поражается вдругъ и стонами вѣтровъ и шумомъ ручьевъ и громомъ водопадовъ горныхъ.

Жители сихъ долинъ столько же достойны любопытства, какъ и страна обитаемая ими. Едва ли прошло сто пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ пограничные округи еще населены были гордымъ, воинственнымъ народомъ, всегда дѣятельнымъ: или отражалъ онъ враждебныя нашествія сосѣдей, или же самъ дѣлалъ набѣги на Англійскую землю. Народная война между Англичанами и Шотландцами наконецъ прекратилась: но долго еще потомъ Бароны сопредѣльные питали вражду взаимную; долго еще непокидали старинной привычки своей мстить за обиды, искать добычи, преслѣдовать сосѣдей и своевольно злодѣйствовать въ землѣ заграничной. Обыкновенными жилищами ихъ были зáмки, укрѣпленные по тогдашнему обычаю просто, безъ осо-

беннаго искусства: они служили безопаснымъ мѣстомъ для храненія добычи и также защитою отъ внезапныхъ набѣговъ непріятеля. Всѣ подданные умѣли обращаться съ оружіемъ; напитанные воинственнымъ духомъ, всѣ были готовы къ предпріятіямъ самымъ отважнымъ. Обыкновенно являлись они по первому воззванію владѣльца, сопровождали его въ набѣгахъ; отчаянно нападали на враговъ истинныхъ или мнимыхъ, въ минуту опасности летѣли къ нему на помощь, всегда повинуясь призывному пламени, знаменію тревоги.

Къ счастію рода человѣческаго, времена сіи прошли безвозвратно. Успѣхи общественности, благодѣтельное вліяніе религіи превратили сихъ гордыхъ воителей въ гражданъ мирныхъ. Вмѣсто угрюмыхъ горцевъ, съ копьемъ въ рукѣ и мечемъ при бедрѣ скачущихъ между кустами, видимъ нынѣ пастуховъ смиренныхъ: они стерегутъ стада свои на зеле-

ныхъ отлогостяхъ, или же въ долгія ночи зимы воспитываютъ дѣтей своихъ въ благочестивыхъ поученіяхъ.

Нѣтъ уже болѣе сихъ воинственныхъ злодѣяній; но память ихъ сохранилась въ народѣ. Представляясь въ туманной дали протекшаго времени, онѣ теряютъ безобразныя черты свои, кажутся уже богатырскими предпріятіями, и каждая изъ долинъ имѣетъ свои мѣстныя объ нихъ преданія. Съ давнихъ лѣтъ сіи преданія сдѣлались балладами, отличающимися своимъ особливымъ характеромъ: ихъ читаютъ, или поютъ подъ музыку, весьма пріятную своей простотою, и онѣ теперь составляютъ лучшую забаву жителей сельскихъ.

Таковъ былъ народъ и таковы сцены, среди которыхъ юный Поетъ провелъ первые годы своей жизни. Душа его совершенно согласовалась съ изліяніями сердца простодушныхъ жителей тамошняго края. Слухъ его

привыкъ къ баснословнымъ ихъ преданіямъ, которыя глубоко врѣзались въ памяти его чудесной, всеобъемлющей. Вотъ какъ умъ его страстно полюбилъ воинственные подвиги, дивныя приключенія, увлекшія его въ очаровательную страну фантазіи, въ страну, куда слѣдуетъ за нимъ и вся Европа, какъ бы повинуясь движенію жезла магическаго.

Судя по сочиненіямъ Шотландскаго Барда, побуждаемся думать, что описанныя нами сцены возъимѣли надъ нимъ сильное дѣйствіе, ознаменовали талантъ его особеннымъ колоритомъ, столь ярко блистающимъ на всѣхъ произведеніяхъ сего необыкновеннаго человѣка. Въ прекрасномъ введеніи къ 3 й пѣсни *Марміона*, изъявивъ особую привязанность свою къ сценамъ характеровъ противуположныхъ, привязанность, родившуюся отъ первыхъ впечатлѣній юности, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Подражая звукамъ безъ искус-

„ственнымъ, при самой дикости ихъ „плѣнявшимъ младенческій мой возрастъ, вспоминаю объ идеяхъ счастливой юности. Тогдашнія ощущенія „нынѣ одушевляютъ Музу мою, влагаютъ въ уста ей стихи, пѣсни. „Еще и теперь вижу сіи утесы, „скрывающіе въ облакахъ свои вершины; вижу горную башню, которая „нѣкогда восхищала меня въ часы „уединенныхъ мечтаній. Не было „предо мною ни рѣки величественной, достойной пѣнія героической „Музы, ни рощицы прелестной, внимающей таинственному шопоту „вѣтерка и располагающей пѣвца изобразить въ приятной повѣсти любовь сердецъ нѣжныхъ; а смиренный „ручеекъ едва ли имѣлъ право на вниманіе сельской свирѣли. Сіи широкія „горы, сіе лазуревое небо пробуждали „однако же мою душу: я видѣлъ конечно однѣ лишь сухія отлогости; но „глаза мои встрѣчали также и зеленыя лужайки и смѣющіяся равнины.

,,Юный сынъ горъ умѣлъ найти и
,,цвѣтокъ уединенный, и вязь души-
,,стой жимолости, повѣшенную на
,,камнѣ или на стѣнѣ развалинъ. Сѣнь
,,таинственныхъ сихъ убѣжищь была
,,для меня сладостнѣе всего, что́ ни
,,освѣщается солнцемъ въ лучезар-
,,номъ его теченіи, и дрожащая башня
,,казалась мнѣ величайшимъ твореyі-
,,емъ человѣческой силы. Съ жадностію
,,слушалъ я разсказы стараго пастуха
,,о набѣгахъ разбойниковъ южныхъ,
,,которые простирали свои опусто-
,,шенія даже до горъ Шевіота, и
,,обремененные добычею возвращались
,,къ домамъ своимъ, оглашая воздухъ
,,кликами веселія. Казалось мнѣ, что
,,еще слышу звуки трубы подъ раз-
,,рушеннымъ сводомъ за́мка, что еще
,,вижу, за ржавыми рѣшетками оконъ,
,,отвратительныя, израненныя лица.
,,Повѣсти, иногда веселыя, иногда
,,печальныя, передъ пылающимъ огонь-
,,комъ разсказаваемыя для сокращенія
,,времени, знакомили меня съ хитро-

„стями любви, съ прелестями женъ „прекрасныхъ, съ чародѣйствомъ вол-„шебниковъ, съ подвигами рыцарей, „съ побѣдами Валласа и Брюса, съ „тѣми наконецъ послѣдними битвами, „въ которыхъ Шотландцы наши от-„ражали нападенія пограничныхъ Бри-„танцевъ.“

Окончивъ приготовительныя науки въ Единбургскомъ Университетѣ, Сиръ Валтеръ Скоттъ посвятилъ время свое изученію правъ Шотландскихъ, и скоро былъ въ состояніи отправлять должность законовѣдца.

Онъ усматривалъ, безъ сомнѣнія, другую для себя славу, блистательнѣйшую знаменитость на иномъ поприщѣ; и потому, надобно думать, мало употреблялъ усилій отличиться въ законоискусствѣ. Но, повинуясь долгу, онъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ заниматься юридическими науками, столь мало соотвѣтствующими его склонности, и оказалъ въ нихъ успѣхи весьма значительные.

Къ счастію для свѣта, равно какъ и для самаго Пѣвца Шотландскаго, обстоятельства его были таковы, что онъ не имѣлъ нужды слишкомъ рано представиться публикѣ въ качествѣ писателя. При умѣренномъ достаткѣ, самыя желанія его и привычки были также умѣренны; а благоразуміе удерживало его отъ опаснаго самолюбія, и непозволяло ему увлекаться жадностію къ рукоплесканіямъ.

Обогащая такимъ образомъ умъ свой знаніями всякаго рода, украшаясь всѣми образцами изящества, онъ достигъ до той степени зрѣлости, которую находимъ и въ самыхъ даже поспѣшныхъ произведеніяхъ его Музы. Валтеръ Скоттъ, уже будучи тридцати лѣтъ, издалъ *Пѣсни пограничныхъ бардовъ Шотландіи:* симъ приобрѣлъ себѣ и благоволеніе и довѣренность публики. Єто есть собраніе балладъ весьма занимательныхъ, сочиненныхъ, по большей части людьми

неизвѣстными, во время безпрерывной войны, продолжавшейся между горными Шотландцами и Англичанами. Въ нихъ воспѣваются славные подвиги, или оплакивается смерть различныхъ героевъ того времени; ими же на конецъ славятся въ потомствѣ добродѣтели и пороки народа воинственнаго, полуварварскаго.

Изъ сихъ любопытныхъ остатковъ старины составилась часть изустной исторіи горныхъ Шотландцевъ; расположенные по порядку въ семъ великолѣпномъ собраніи, они не только сохранены отъ забвенія, но еще и возвышены въ достоинствѣ своемъ многими историческими и топографическими примѣчаніями, весьма любопытными, изобилующими богатствомъ ума и свѣдѣній. Изданіемъ сей книги Сиръ Валтеръ Скоттъ въ піитической исторіи отчизны своей наполнилъ пустой промежутокъ — услуга, какой съ давняго времени тщетно публика ожидала. *Пѣсни погра-*

ничныхъ бардовъ Шотландіи могутъ безспорно стать на ряду съ собраніями занимательнѣйшихъ балладъ національныхъ, отличающихся собственнымъ характеромъ, балладъ, получившихъ бытіе свое у другихъ націй Тевтоническаго происхожденія за долго еще до начала ихъ исторіи.

Скоро послѣ изданія сихъ Пѣсней явилась въ свѣтъ *Поема послѣдняго Барда* — первое твореніе нашего Поета, котораго успѣхъ далеко превзошелъ ожиданіе самаго Автора. Въ теченіе немногихъ лѣтъ слѣдовали поемы, одна за другою: *Марміонъ, Госпожа озера, Рокеби, Донъ Родерикъ* и *Владѣтель острововъ*. Всѣ съ жадностію читали сіи творенія и притомъ не въ одной Англіи: онѣ разсѣялись по Европѣ въ многочисленныхъ переводахъ, а сверхъ того еще Англійскія изданія перепечатывались въ типографіяхъ Французскихъ и Нѣмецкихъ. Хотя мнѣніе публики громко говорило въ пользу сихъ сочиненій;

достоинство ихъ однакожъ тѣмъ неменѣе подвергаемо было строгимъ испытаніямъ. Въ Англіи, гдѣ критика, равно какъ и во Франціи, чаще говоритъ языкомъ пристрастія нежели истины, одни хвалили Автора, другіе порицали. Тѣ винили его, что онъ талантъ свой истощаетъ для недостойныхъ предметовъ; иные находили планы его несвязными, слишкомъ чуждыми искусства, слишкомъ натуральными; еще другіе осуждали опасную легкость его стопосложенія.

Благоразумный Поетъ не обращалъ вниманія на совѣты друзей и недруговъ. Онъ продолжалъ писать по вдохновенію собственнаго генія; критики неумолкали, а публика неперестава̀ла читать его съ ненасытною жадностію.

Новость слога въ сихъ поемахъ, ихъ удивительный успѣхъ въ публикѣ, видимая легкость въ ихъ составѣ побудили многихъ соперниковъ выступить на поприще, дабы лишить Валтера

Скотта одной части расточаемыхъ для него рукоплесканій. Появились поемы, одна за другою, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ видомъ сходныя съ образцами своими: нѣкоторыя умерли при самомъ рожденіи, только лишь вышедши изъ книгопечатни; другія давали нѣкоторую надежду къ жизни кратковременной, но природныя сѣмена смертности тотчасъ въ нихъ прозябали, и хилыя творенія сіи немедленно увядали навѣки.

Мы сказали, что знаменитый Авторъ незамѣчалъ порицаній своихъ критиковъ. Онъ однако же почелъ не излишнимъ раздѣлаться съ ними особливымъ образомъ, и месть его была тѣмъ болѣе жестокою, что онъ не прямо и не явно пустилъ въ нихъ свои стрѣлы. Валтеръ Скоттъ, необъявляя своего имени и безъ всякихъ признаковъ тщеславія, издалъ въ свѣтъ двѣ прекраснѣйшія поемы, въ слѣдъ одну за другою; титулъ ихъ: *Трирменская невѣста* и *Гарольдъ*

неустрашимый. Публика немедленно замѣтила перо мастера; въ короткое время вышло множество изданій сихъ поемъ, все однакожъ безъ имени Автора: уже увѣнчанныя всеобщимъ одобреніемъ, онѣ признаны были твореніями Валтера Скотта и поставлены въ рядъ съ другими поемами сего знаменитаго Писателя.

Упомянемъ въ короткихъ словахъ о маленькой поемѣ: *Битва при Ватерлоо.* Очень скоро послѣ сего достопамятнаго сраженія Сиръ Валтеръ отправился въ Парижъ и дорогою осмотрѣлъ мѣсто, на которомъ легло такое множество его соотчичей. Въ то же время въ Лондонѣ была открыта подписка въ пользу вдовъ и дѣтей осиротѣвшихъ, и многія извѣстныя въ свѣтѣ особы пожертвовали на сей предметъ значительныя суммы. Съ тѣмъ же намѣреніемъ и Сиръ Валтеръ, въ нѣсколько дней, написалъ упомянутую поему, переслалъ ее въ Англію, и требовалъ, чтобы вырученныя

за екземпляры деньги причислены были къ подпискѣ на помощь осиротѣвшимъ. Поема сія имѣла успѣхъ отличный; всѣ читали ее, всѣ ей удивлялись. Неприятели Валтера Скотта могутъ сказать одно только, и сказать справедливо: *Битва при Ватерлоо* не увеличила славы своего Автора.

Но соотечественники Валтера ждали отъ него не поемы; увѣренные въ его правдолюбіи и зная, что онъ имѣлъ всю возможность собрать свѣдѣнія достовѣрныя, они желали имѣть отъ него точное описаніе какъ битвы, такъ и ея слѣдствій. Авторъ нашъ удовлетворилъ ихъ ожиданію въ письмахъ *Павла къ своимъ ближнимъ* — въ сочиненіи, гдѣ наилучшимъ образомъ описана кампанія 1815 и съ которымъ ничто напечатанное въ Англіи о семъ же предметѣ сравниться не можетъ. Оно переведено на Французской языкъ и на Нѣмецкой.

Творенія Валтера Скотта уже внесены въ блестящій каталогъ классическихъ поемъ его отечества. Объ нихъ никакъ не должно судить по сравненію съ великими образцами, которыми Англійская словесность столь богата. Между тѣми и другими разность состоитъ не въ степени достоинства только, но и въ самомъ родѣ. Намѣреніемъ Валтера Скотта было изобразить яркими красками обычаи людей, живишихъ въ извѣстное время, въ отдаленную епоху исторіи его отечества; представить разнообразіе въ характерѣ человѣка, обнаруживающееся въ быстромъ послѣдованіи блестящихъ событій, и сдѣлать его видимымъ для читателя могуществомъ піитической кисти; поразить противуположностію видовъ, то есть съ одной стороны ужасами войны феодальной, а съ другой кроткою добродѣтелью, которая въ оныя времена дикости случайно возносилась, какъ цвѣтокъ въ безплодной пусты-

ни, и которая утѣшительнымъ дѣйствіемъ своимъ оживляла мертвую окрестность. Все сіе разительно представлено въ картинахъ феодальной системы, великолѣпныхъ процессій, роскошныхъ пировъ, упорныхъ сраженій и высокихъ подвиговъ Рыцарства знаменитаго. Словомъ всемощнаго генія воскрешены сцены, украшенныя всѣми прелестями піитическаго воображенія. Валтеръ Скоттъ по всей справедливости прозванъ Поэтомъ баталій. Описанія его столь живы, что читатель, увлекаемый восторгомъ, бросается въ ряды воиновъ разъяренныхъ, въ самый пылъ сраженія; слышитъ ободрительные клики начальниковъ и стоны умирающихъ; или же, удалившись на минуту отъ сцены кровопролитія, онъ садится близь раненаго Марміона, бросаетъ взоры на сего воителя преступнаго, но въ то же время благороднаго душею; возбужденный на конецъ ратнымъ восторгомъ, вылетѣвшимъ изъ устъ умираю-

щаго героя, онъ возвращается туда, гдѣ кипитъ сраженіе.

Бардъ Каледонскій иногда пируетъ съ Баронами въ ихъ готическихъ за́мкахъ; но онъ же часто любитъ наблюдать и описывать свистящія зимнія вьюги, которыя несутся по мразнымъ обнаженнымъ равнинамъ и углубляются въ дубравы горнаго ската. Охотно изображаетъ онъ картины весны прекрасной; умѣетъ радоваться пріятностями лѣта, богатствомъ осени, и наконецъ предаваться тихой задумчивости при паденіи пожелтѣвшихъ листьевъ.

Здѣсь показанъ характеръ однихъ только *стихотворныхъ* сочиненій Сира Валтера Скотта; но онъ издалъ множество превосходныхъ повѣстей въ прозѣ: въ нихъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ, также съ удивительною вѣрностію представляются обычаи временъ минувшихъ. Историческіе романы сего Писателя (Ивангой, Аб-

батъ, Монастырь, Замокъ Кенильворпіъ и проч. и проч.) восхищаютъ всѣхъ образованныхъ читателей и переводятся почти на всѣ языки. Но Валтеръ, довольствуясь славою поэта, не ищетъ другой славы и неставитъ имени своего на заглавныхъ листкахъ романовъ — единственныхъ въ своемъ родѣ!

Сиръ Валтеръ Скоттъ переступилъ уже за половину столѣтія; но время, ознаменовавъ лице его чертами зрѣлаго возраста, еще не коснулось къ нему жезломъ разрушенія. Онъ пользуется хорошимъ здоровьемъ, и упомянутый выше тѣлесный недостатокъ нимало неостанавливаетъ въ немъ дѣятельности необыкновенной. Любитъ верховую ѣзду, вообще всѣ упражненія земледѣльческія, и съ особеннымъ удовольствіемъ заохочиваетъ къ нимъ сельскихъ жителей. Съ виду кажется онъ всегда сановитъ и важенъ; но въ разговорѣ тотчасъ одушевляется от-

мѣнною живостію, весьма легко переходить отъ важнаго тона къ веселому, въ томъ и другомъ случаѣ не теряя своей любезности.

Огромныя суммы, полученныя Валтеромъ за свои сочиненія и простирающіяся, какъ говорятъ, свыше 100,000 фунтовъ стерлинговъ (двухъ съ половиною милліоновъ рублей), дали ему возможность жить соотвѣтственно званію Баронета Королевствъ соединенныхъ, которое пожаловано ему Георгіемъ IV. Сверхъ того получаетъ онъ значительные доходы отъ двухъ мѣстъ по гражданской службѣ. Обстоятельство сіе заставляетъ его шесть мѣсяцовъ ежегодно жить въ Единбургѣ; но дождавшись свободы, онъ, съ радостію школьника при началѣ вакаціи, летитъ къ своимъ сельскимъ сценамъ, любезнымъ ему по столь многимъ, сладостнѣйшимъ воспоминаніямъ.

Валтеръ построилъ великолѣпной замокъ на берегу пастушеской рѣки

Твида, среди владѣнія, приобрѣтеннаго столь почтенными трудами. Двери за́мка всегда открыты, и сіе гостепріимное обиталище ежедневно бываетъ наполнено посѣтителями, почетными людьми всѣхъ націй, стекающимися засвидѣтельствовать уваженіе свое къ выспреннему таланту мужа, озарившаго яркимъ лучемъ славы отечественную свою землю, свой вѣкъ и естество человѣка.

Отъ Издателя.

Увѣренъ я, что читатели сей Поемы въ Россконъ переводѣ не почерпнутъ подробныхъ свѣдѣній о талантѣ знаменитаго Валтера Скотта; по крайней мѣрѣ найдутъ они, что мастерской планъ, занимательность происшествій, неожиданные случаи, быстрота хода, живость описаній не могли быть произведеніемъ пера обыкновеннаго.

Поема послѣдняго Барда въ прошломъ году взята была для Вѣстника Европы изъ Польскаго Журнала, то есть оттуда, гдѣ она въ первый разъ представилась глазамъ переводившаго. По сличеніи съ Англійскимъ подлинникомъ, въ Русской прозѣ оказались нѣкоторыя неисправности и пропуски. Первыя могли произойти отъ недоразумѣній, вторые же отъ другой, болѣе извинительной причины: Польскій переводчикъ подумалъ, что многія подробности, названія урочищь, историческія намѣки, знакомыя Шотландцу, для другихъ читателей покажутся утомительными. Имѣю причины быть съ нимъ одного мнѣнія; но, возна-

мѣрившись издать особо творенie Валтера Скотта, я рѣшился исправлять переводъ свой противъ Англiйскаго текста, сдѣлать въ немъ нужныя перемѣны и прибавить нѣсколько объяснительныхъ примѣчанiй.

Главное происшествiе относится къ половинѣ шестьнадцатаго вѣка, ко времени, въ которое дѣйствительно жили многiя лица, упоминаемыя въ Поемѣ.

Помѣщенная выше статья О жизни и писанiяхъ Валтера Скотта взята изъ Англiйскаго журнала. Но какъ въ ней непоказанъ характеръ прозаическихъ сочиненiй сего писателя; то я почелъ неизлишнимъ прибавить другую О романахъ. Послѣдняя извлечена изъ Французскаго журнала А. И. Писаревымъ.

К.

1го Декабря,
1823.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

ПОЕМА ПОСЛѢДНЯГО БАРДА.

Вѣтеръ былъ холодный, дорога дальняя: Бардъ странствовалъ слабый, отягченный годами. Сіе увядшее лице, сіи бѣлые волосы нѣкогда видали времена, болѣе счастливыя. Сиротка, единственная утѣха старца, шелъ за нимъ съ арфой: ето былъ послѣдній изъ тѣхъ Бардовъ, которые славили рыцарей отечества. Ахъ! товарищи его всѣ исчезли. Времена успѣховъ ихъ минули; теперь они забыты, притѣсняемы. Бардъ желалъ соединиться съ ними въ могилѣ. Не то уже время настало! Прежде, на конѣ блестящемъ ведомый, воспѣвалъ онъ сладостно, какъ жаворонокъ ранняго утра. Не то уже время настало! Хвалимый, ласкаемый вельможами, прежде занималъ

онъ почетное мѣсто на пиршествахъ, неприготовясь пѣвалъ пѣсни, и жены громкимъ плескомъ изъявляли свое удовольствіе. Все перемѣнилось! Чужеземецъ возсѣлъ на престолѣ Стуартовъ, и фанатики оныхъ вѣковъ желѣзныхъ невинное искусство Барда почитали злодѣйствомъ! Убогій, скитающійся, оскорбляемый, ходилъ онъ отъ порога къ порогу, просилъ хлѣба, и забавлялъ поселянъ пѣснями, достойными услаждать слухъ Монарха.

Шелъ онъ близь Нюварка, коего великолѣпная башня возвышалась надъ окрестнымъ лѣсомъ. Съ безпокойнымъ желаніемъ обозрѣвалъ сіе убѣжище, которое, казалось, приглашаетъ его въ свои нѣдра. Нигдѣ нечаялъ найти пріятнѣйшаго успокоенія. Колебался, подумалъ, потомъ рѣшился. Идетъ черезъ ворота, украшенныя военною збруей; тяжелая рѣшетка ихъ и твердое укрѣпленіе неразъ уже уничтожали замыслы непріятеля; но врата сіи

никогда незатворялись передъ печальнымъ и требующимъ помощи.

Герцогиня (*) видѣла въ немъ почтенную наружность, застѣнчивость и ослабѣвшія силы. Она приказала пажу отвести его къ служителямъ, велѣла явить ему всякое гостепріимство, ибо и сама испытала несчастіе. Ни высокая порода, ни всѣ преимущества красоты и сана непредохранили ее отъ бѣдствія; и она плакала на гробѣ супруга.

Подкрѣпивъ силы пищею и отдохнувши, старецъ почувствовалъ въ себѣ возрождающійся духъ поэта. Началъ говорить съ похвалою о славномъ Графѣ Франсисѣ (**), о Графѣ Вал-

(*) Анна, урожденная Буклейгъ, вдова несчастнаго Герцога Якова Монмута, которому въ 1685 году отрубили голову.

(**) Франсисъ Скоттъ, Графъ Буклейгъ, отецъ Герцогини.

теръ (*), знаменитомъ въ битвахъ — ето былъ дѣдъ владѣтельницы замка. Зналъ онъ всѣ случаи, всѣ подробности ихъ жизни, и объявилъ готовность свою, хотя слабымъ голосомъ и дрожащею рукою, воспѣть ихъ подвиги, если бы только Герцогинѣ было то угодно.

Владѣтельница позволила пѣть передъ собою; но введенный въ огромную залу, гдѣ увидѣлъ Герцогиню, въ кругу блестящихъ женъ сидящую, готовую внимать пѣснямъ, встревоженный Бардъ желалъ бы неначинать пѣнія. Онъ положилъ персты на струны, смѣшался и потерялъ то присутствіе духа, которымъ пѣвецъ можетъ нравиться слушателю. Сладкія и болѣзненныя воспоминанія, пробуждаясь въ душѣ его, прерывали токъ мыслей. Тщетно старался онъ настроить арфу. Герцогиня зоветъ его по имени, хва-

(*) Вальтеръ, Графъ Буклейгъ, славный воинъ, дѣдъ Герцогини.

лить пробную игру его, ободряетъ, даетъ время исправиться. Наконецъ настроена арфа, и Бардъ объявляетъ, что намѣренъ вспомнить старинную пѣсню, которой никогда уже болѣе пѣть нечаялъ, и которая была предназначена не для простыхъ жителей сельскихъ, но для полководцевъ и женъ знаменитыхъ. Пѣвалъ ее нѣкогда передъ добрымъ Королемъ Карломъ, находясь въГоли-Рудѣ. Хотѣлъ начинать; снова робѣлъ, не надѣясь на свою память. Рука блуждала по струнамъ, и отъ струнъ отдавались невѣрные звуки. Нетерпѣливый потрясъ сѣдыми волосами. Но когда отрывистая мелодія, когда пробные звуки и самой складъ пѣсни отозвались подъ рукою старца, — онъ вздохнулъ, поднялъ голову: искры блеснули во впалыхъ глазахъ его, и восторгъ на челѣ его изобразился. Онъ ощутилъ въ себѣ силы и бодрость; смѣло ударилъ по струнамъ, и сладкое согласіе излилось изъ нихъ въ строй-

ныхъ звукахъ. Вдругъ забываетъ и настоящее время и будущій свой жребій, забываетъ и труды и нужду; робость превращается въ восторгъ вдохновенія, а ледъ возраста преклоннаго таетъ въ обильномъ потокѣ поезіи. Онъ поетъ готовое, но и творитъ самъ, когда ослабѣвшая память непредставляетъ ему вѣрнаго запаса. Благодарная арфа сопровождаетъ своими звуками слѣдующія слова *послѣдняго Барда.*

Пѣснь первая.

1.

Кончилось празднество въ Бранксомѣ, и госпожа за́мка удалилась въ тайныя свои комнаты, въ храмину, стрегомую волшебными словами и грознымъ чародѣйствомъ. Да сохранитъ Богъ! Ни одно существо живое не дерзнуло бы переступить черезъ порогъ таинственный.

2.

Столы сняты; каждый предавался отдыху. Пажи, рыцари, дворяне

расхаживали по обширной залѣ, или передъ огнемъ сидѣли. Гончіе псы, утомленные ловитвой, лежали простертые на каменныхъ ложахъ, и во снѣ преслѣдовали звѣрей лѣсныхъ отъ скалы Тевіота до болотъ Ескдаля.

3.

Двадцать девять рыцарей знаменитыхъ повѣсили щиты свои въ залѣ Бранксома. Двадцать девять дворянъ храбрыхъ привели коней для нихъ. Двадцать девять рослыхъ горцевъ служили одинъ другому. Господа всѣ были славнаго рода, всѣ они ближніе храбраго Буклейга.

4.

Десять рыцарей всегда были покрыты сталью, съ мечемъ при бедрѣ, со шпорами у пятъ; ни днемъ, ни ночью не слагали съ себя военной збруи. Спали въ панцыряхъ, положивъ на щитъ голову; кроили мясо, не снимая желѣзныхъ перчатокъ; пили изъ круговой чаши, неподнимая забрала шлемовъ.

5.

Десять дворянъ и столько же горныхъ воиновъ, покрытыхъ стальною кольчугой, ловили каждое мановеніе рыцарей. Тридцать коней, самыхъ легкихъ и быстрыхъ, стояли подъ сѣдломъ днемъ и ночью, въ желѣзныхъ нагрудникахъ, съ висящими у стремянъ топорами. Сто другихъ коней ѣли кормъ свой въ конюшняхъ Бранксомскаго замка.

6.

Для чего же коней сихъ держать всегда въ готовности? для чего всегда вооружены рыцари? Они прислушиваются къ лаю псовъ и къ звукамъ рога, ищутъ взорами знака сраженія и развѣвающейся хоругви Св. Георгія. Берегутъ себя отъ силы и отъ измѣнъ южнаго народа; опасаются предприятій Скрупа, Говарда и Персея.

7.

Таковъ обычай въ замкѣ Бранксомѣ. Всегда сбираются тамъ воины

храбрые; но вождь ихъ былъ всѣхъ храбрѣе. Оружіе героя виситъ въ бездѣйствіи на стѣнахъ за́мка, покрытое ржавчиной, подлѣ щита изломаннаго. Ахъ, Валтеръ! долго Барды воспѣвать будутъ твою кончину. Они повѣдаютъ, какъ начальникъ Бранксома палъ въ оный день тревоги, когда жители убѣгали отъ ужасовъ сраженія, когда улицы Дунедина видѣли блескъ мечей и метательныхъ копей.

8.

Утишитъ ли когда-либо святая набожность вопли раздоровъ? удержитъ ли когда-либо стремленіе мести? безусловная преданность отечеству, святая любовь Христіянская заставятъ ли когда-либо прощать нанесенныя обиды? Тщетно рыцари обѣихъ сторонъ повергаются предъ олтарями во храмахъ, тщетно предпринимаютъ набожныя путешествія, ради вѣчнаго покоя своимъ душамъ и душамъ непріятелей, падшихъ подъ ихъ меча-

ми: доколѣ Каръ будетъ господствовать въ Цессфордѣ, доколѣ Еттерикъ будетъ хвалиться, что онъ принадлежитъ къ роду Скоттовъ; дотолѣ бѣшенство мести и память убійствъ будутъ владѣть сердцами.

9.

Воинственные горцы стеклися оплакивать смерть Валтера на его гробѣ. Дщери Тевіота и матери земель окрестныхъ бросали цвѣты на могилу, плакали, горевали; только вдова его никакой дани непосвятила памяти супруга. Она живетъ одною лишь местью. Неистовая гордыня и мрачное презорство осушили ея слезы и притаились въ своемъ источникѣ. Но какъ скоро посреди осиротѣвшихъ васалловъ она замѣтила сына, на колѣняхъ пѣстуньи лепечущаго объ отмщеніи за родителя; мгновенно ручьями слезъ облила горячее лице младенца.

10.

Между тѣмъ Маргарита, склонясь на гробъ родителя, забываетъ мыслить

о убранствѣ. Небрежная одежда и волосы показываютъ степень ея горести. Не одна смерть отца исторгаетъ изъ очей ея слезы; она любитъ безнадежно, любитъ, томимая тягостнымъ опасеніемъ. Недерзаетъ искать состраданія въ полумертвыхъ взорахъ своей матери. Ея любезный вмѣстѣ съ Каромъ сражался противу рода отца ея, именно въ тотъ день, когда военное счастье оставило владѣтеля Бранксома; знала она, что мать скорѣе захочетъ видѣть ее мертвою, нежели согласится на брачный союзъ ея съ Лордомъ Кранстроуномъ.

II.

Госпожа за́мка происходила отъ крови знаменитой. Отецъ ея, родомъ изъ Пикардіи, имѣлъ славу ученаго мужа. Въ далекой области Падуанской выучился онъ искусству, о которомъ ни одинъ человѣкъ упомянуть недерзаетъ. Идетъ молва, что силою чародѣйства онъ измѣнилъ свою наружность, и что однажды, когда, углу-

бившись въ думу, ходилъ около храма Св. Андрея, тѣло его небросало отъ себя тѣни на каменную стѣну, освѣщенную лучами солнца.

12.

Повѣствуютъ Барды, что и дочь свою научилъ искусству чародѣйства, что и она умѣетъ заклинать незримыя существа воздушныя. Живетъ она въ таинственномъ углу западной башни, и въ семъ уединеніи, никому недоступномъ, внимаетъ глухимъ стонамъ, издаваемымъ и носящимся во мшистомъ ея обиталищѣ. Но что́ за звуки слышны отъ утесистаго берега? Не шумъ ли то водъ Тевіота? не дубы ли колеблются вѣтромъ? не эхо ли повторяетъ отголоски шумящихъ утесовъ? Откуда такой густой шумъ около стѣнъ Бранксома?

13.

Дубы отвѣтствуютъ стономъ; испуганныя совы кричатъ на башняхъ

за́мка; рыцари, думая, что настаетъ буря, выглядываютъ въ окна: ночь однакоже была ясная и тихая.

14.

Госпожа за́мка вѣдала таинственную причину и стонамъ Тевіота, и шуму горъ, и трепетанію лѣса, и смутному отъ скалъ отголоску, и свисту бури: то Духъ водный бесѣдовалъ съ горнымъ Духомъ.

15.

— Спишь ли, братъ мой? — „Нѣтъ, бодрствую. Лучами звѣздъ ночныхъ освѣщаются мои холмы. Видишь ихъ на берегахъ ручьевъ и на горныхъ отлогостяхъ. Видишь козленка и лося, ровными стопами идущихъ съ гармоніей неба. Видишь на кустѣ отцвѣтшемъ смарагды росы, отрясаемые легкими ихъ ногами. Внимай воздушнымъ пѣснямъ, которыя по слѣдамъ ихъ раздаются.“

16.

Духъ ручья.

— Слезы уязвленной дѣвы мѣшаются съ моими водами. Маргарита стонаетъ передъ блѣднымъ лучемъ мѣсяца. О ты, читающій въ звѣздахъ! повѣдай мнѣ, когда прекратятся раздоры, какая судьба назначена для дѣвы Бранксома, и кто будетъ ея супругомъ? —

17.

Духъ горный.

Звѣзда полунощная тихо вращается вокругъ полюса во мракѣ. Большая Медвѣдица смущенна и грозна. Лукъ Оріона утратилъ блескъ свой. Планеты едва сіяютъ сквозь мглистую завѣсу. О, если бы слова мои явились ложнымъ истолкованіемъ судебъ небесныхъ! Но звѣзды дотолѣ будутъ неблагопріятствовать рѣкѣ Тевіоту, доколѣ не смирится гордыня и пока любовь невосторжествуетъ.

18.

Голоса умолкли; грознаго шума не стало. Утихъ онъ на лонѣ водъ и у подошвы холмовъ, но потянулся къ западной башнѣ и достигъ слуха владѣтельницы за́мка. Гордо подняла она голову, и сердце въ ней забилось отъ рѣшительной отваги. „Сравняются съ землею горы ваши“ рекла она, „и ващи воды къ источнику возвратятся, прежде нежели Маргарита будетъ женою врага моего рода.“

19.

Идетъ въ большую залу, гдѣ собраны были Рыцари, и гдѣ сынъ ея дѣлилъ съ ними шумныя забавы. На изломанномъ копьѣ верхомъ ристалъ онъ по залѣ, какъ бы вторгся въ неприятельскую землю. Рыцари, посѣдѣвшіе подъ оружіемъ, забавлялись вмѣстѣ съ младенцемъ, хотя сердца въ нихъ были тверды какъ латы стальныя; чувствовали они, что сей младенецъ усмиритъ нѣкогда гордыню *единорога* и *мѣсяца со звѣздами.*

20.

Госпожа за́мка забыла на минуту о своемъ предприятіи, забыла только на минуту, когда материнскимъ окомъ изъ за порога узрѣла младенца. Она потребовала къ себѣ Вильгельма Делореня, одного изъ Рыцарей.

21.

Никто изъ пограничныхъ жителей, никто приобыкшій къ дерзновеннымъ предприятіямъ не могъ съ нимъ сравниться. Съ завязанными очами протекъ бы онъ зыбучіе пески Солвая и выри Тарраса. Искусный въ бѣгу, на ристалищахъ, въ засадахъ, онъ смѣло нападалъ на дебелыхъ псовъ враждебнаго Персея; зналъ глубину Еска, Лидделя, и всегда успѣшно черезъ нихъ переправлялся. Далекія моря и низкія болота, снѣгъ зимы и зной лѣта — ни что небыло для него препятствомъ, ни что неохлаждало въ немъ жара. Отваженъ онъ и предпріимчивъ, постояненъ въ сердцѣ и силенъ во длани. Превзошедъ всѣхъ

грабителей Кумберландскихъ, пять разъ былъ онъ лишенъ покровительства законовъ Англійскимъ Королемъ и Шотландскою Королевой.

22.

„Рыцарь!" вѣщала къ нему: „всегда ты первый для меня въ потребѣ; избери коня самаго надежнаго. Лети, не щади ни бича, ни шпоры; ступай въ монастырь Мельрозы. Ищи тамъ инока ордена Св. Маріи. Моимъ именемъ объяви ему, что пробилъ уже часъ злополучный, и что въ ночь сію должно открыть сокровище гроба. Скажи ему, что завтра день Св. Михаила; скажи, что хотя блѣдны звѣзды, но мѣсяцъ свѣтелъ; скажи, что червленый крестъ покажетъ ему гробъ могучаго.

23.

„Тщательно храни, что онъ дастъ тебѣ; поспѣшно привези ко мнѣ вещь оную, не касаясь ни питія, ни пищи; особенно же старайся отвращать отъ нее свои взоры: ибо, если бы то была

книга или хартія, а ты прочитаешь изъ нее хоть единую строку — о, тогда лучше было бы, чтобъ ты на свѣтъ не родился!«

24.

— Знаменитая повелительница! отвѣтствуетъ Рыцарь: не знаю коня, лучше моего пѣгаго товарища, которой пьетъ чистую воду Тевіота. Завтра передъ разсвѣтомъ возвращуся, а важнаго препорученія ты немогла ввѣрить въ надежнѣйшія руки. Читать ничего не буду, ибо не умѣю. . . —

25.

Вотъ уже на конѣ Рыцарь! Проскакалъ звонкую мостовую передъ за́мкомъ, достигъ рѣчнаго берега; поворачиваетъ къ востоку; ѣдетъ по тропинкѣ лѣсомъ, и вѣтви деревъ гнутся передъ шлемомъ его пернатымъ. Видитъ башни Гольдиланда; ѣдетъ черезъ шумящій потокъ Бортвика; смотритъ на холмъ Моатскій, вокругъ котораго еще и теперь скитаются тѣни Друидовъ; видитъ свер-

кающія лампы въ Гавикѣ. Скоро потерялъ ихъ изъ виду, и погналъ смѣлаго коня ко крѣпости Газелданской.

26.

„Стой ночной путникъ!“ воскликнулъ стерегущій воинъ. — Да благоденствуетъ Бранксомъ! отвѣтствуетъ Рыцарь, и оставляетъ за собою дружественный городъ. Уклоняется потомъ отъ берега Тевіота; ведомый шумомъ низпадающаго потока, переѣзжаетъ черную гору, держася полуночи; достигаетъ равнины Горслей-Гильской, оставивши въ лѣвой рукѣ широкую Римскую дорогу.

27.

Здѣсь коню своему даетъ минутный отдыхъ; послабляетъ подпругу, отпускаетъ ремни военной збруи, и пробуетъ, свободно ли выходитъ оружіе изъ его влагалища. Мѣсяцъ освѣщалъ скалы Минта, въ которыхъ Барнгиль изсѣкъ для себя мѣсто успокоенія — изгнанникъ Барнгиль, нашедшій

убѣжище между пропастями, гдѣ ястребы вѣшаютъ свои гнѣзда, и откуда орлимъ взоромъ искалъ онъ по ущеліямъ своей добычи. Между сими-то утесами недавно раздавались звуки роговъ злодѣйскихъ; нынѣ будутъ оглашаться они свирѣлью пастуховъ и жалобными ихъ пѣснями.

28.

Неутомимый Рыцарь спускается на бывшія владѣнія Ридделя, пересѣкаемыя Альскимъ потокомъ, шумно съ горы падающимъ; каждая волна его является съ бѣловатымъ гребнемъ, подобнымъ гривѣ коня плывущаго. Вода быстра и глубока. Но что удержитъ смѣлаго Рыцаря?

29.

Бросается въ черный потокъ, надъ сѣдломъ пѣнящійся. Конь, отягченный желѣзомъ, несущій Рыцаря вооруженнаго, едва можетъ держать голову надъ водою. Никогда еще не преплывалъ воды сея конь съ такимъ бреме-

ніемъ. Даже перья на шлемѣ не сохранились отъ пѣны. Но отвага Рыцаря, при невидимомъ покровѣ Приснодѣвы, безбѣдно препроводила его къ берегу.

30.

Уже онъ на равнинахъ Бовденскихъ. Бросаетъ взоръ на поля Галидона, и гнѣвный отвращаетъ лице свое, вспомнивши оный плачевный день, когда Каръ повстрѣчался впервые со Скоттомъ. Вспомнилъ злополучіе Іакова, убійственное возмездіе надъ родомъ Буклейковъ, и плачевный конецъ Цессфорда, коего кровію обагрилось оружіе Еллiота.

31.

Гонитъ изъ мыслей плачевныя картины, отвращаетъ взоры, принуждаетъ коня своего, чтобы скорѣе оставить за собою ненавистное поле. Вдругъ Мельроза и Твидъ исчезаютъ во мракѣ; является монастырь, въ видѣ темной массы, покрытый мхомъ, ровный съ выдавшеюся скалою. Звукъ колоколовъ вечернихъ коснулся ушей

Рыцаря, когда еще онъ приближался къ Гавику; полунощное пѣніе раздается въ Мельрозѣ и съ дуновеніемъ вѣтра иногда къ нему долетаетъ. Звуки сего печальнаго пѣнія то становятся громче, то совсѣмъ умолкаютъ, подобно волшебной арфѣ Еола. Но приближась къ Мельрозѣ, Рыцарь находитъ тишину глубокую. Заботится о паствбищѣ для коня своего и о безопасномъ отдыхѣ, потомъ идетъ къ уединеннымъ стѣнамъ обители.

Тутъ струны Барда умолкли. Переставъ пѣть, онъ утратилъ свою бодрость, и огонь гаснулъ въ очахъ его. Опустилъ голову, повелъ вокругъ взоры боязливые, какъ бы просящіе о снизхожденіи; говорилъ о прежнихъ своихъ успѣхахъ; говорилъ о томъ, какъ ослабѣли руки его отъ трудовъ и старости, и какъ арфа его утратила голосъ. Но Герцогиня, дщери ея и придворныя дамы единодушно хвалили изящество пѣснопѣнія; назы-

вали голосъ его чистымъ и руку вѣрною; всѣ изъявляли нетерпѣливое желаніе слушать до конца его повѣсть. Ободренный пѣвецъ, отдохнувъ нѣсколько, ощутилъ въ себѣ новыя силы и началъ.

Пѣснь вторая.

I.

Желаешь ли видѣть всѣ красоты Мельрозы? Посѣти величественный монастырь сей при сіяніи лунномъ. Палящій лучь солнца, позлащая развалины, открываетъ ихъ взорамъ; но въ темнотѣ ночи, когда окна отражаютъ холодное сіяніе, среди черныхъ обрушившихся сводовъ, когда блѣдные лучи падаютъ на обломки средней башни, когда столбы кажутся сдѣланными съ одной стороны изъ гебена, а съ другой изъ слоновой кости, когда образа и книги святыя блистаютъ подобно серебрянымъ, когда Твидъ шумитъ издалека, а на гробахъ уныло кричитъ филинъ — вотъ когда иди посѣтить разрушенный памятникъ

Св. Давида; но ступай одинъ, безъ товарища: тогда въ восторгѣ воскликнешь, что въ мірѣ нѣтъ ничего столь смутнаго и вмѣстѣ столь прекраснаго.

2.

Делорень вовсе незанятъ сею картиной. Онъ спѣшитъ сильно стучать рукоятью оружія; стучалъ долго, пока неуслышалъ отзыва. Прибѣгаетъ наконецъ вратарь. „Кто такъ поздно, и съ такимъ шумомъ?" Посланникъ изъ Бранксома! отвѣтствуетъ Рыцарь. И вдругъ ворота передъ нимъ отворились, ибо вожди Бранксома не одинъ разъ помогали сей обители, и щедрыми вкладами обязали иноковъ за себя молиться.

3.

Вратарь низко поклонился, увидѣвъ Рыцаря. Предшествуя босыми ногами, со свѣтильникомъ въ рукѣ, ведетъ онъ гостя по длиннымъ корридорамъ, между тѣмъ какъ звуки шаговъ Рыцаря достигаютъ даже до келліи. Входитъ въ нее, наклонивъ высокую

свою голову, приподнимаетъ шлемъ передъ священно-инокомъ, обрекшимъ себя на служеніе Приснодѣвѣ Маріи.

4.

„Привѣтствуетъ тебя владѣтельница Бранксома! Она объявляетъ тебѣ, что уже пробилъ часъ злополучный, и что въ нынѣшнюю ночь должно открыть сокровище гроба.“ Слабый старецъ медленно поднимается на твердомъ своемъ ложѣ. Едва можетъ онъ простирать согбенные члены; уже сотая зима прошла надъ его сѣдой головою.

5.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ онъ на Рыцаря, открывая большія небесноголубыя очи; потомъ сказалъ дрожащимъ голосомъ: „И ты дерзаешь искать того, что́ небо и адъ желали бы оставить сокрытымъ? Видишь перси мои, обремененныя желѣзомъ, которымъ они окованы; видишь кровавые слѣды всего, что́ претерпѣлъ я въ шестидесятилѣтнее время; видишь

впадины, вдавленныя въ камнѣ моими колѣнами: но всѣ изнуренія немогли загладить несчастной вины моей — я любопытствовалъ узнать то, чего никогда бы знать не долженъ! О Рыцарь! если хочешь всѣ будущіе дни твои посвятить молитвамъ и страданіямъ, ежели хочешь съ трепетомъ ожидать послѣдней минуты: иди за мною; покажу тебѣ — — —"

6.

— Отецъ мой! сказалъ Рыцарь: нежелаю подвергнуть себя изнуреніямъ, и незнаю другой молитвы, кромѣ *Радуйся Благодатная*, — молитвы, которую тихо читаю, идучи сражаться. Время дорого; поспѣшимъ: я долженъ безъ замедленія возвратиться съ отчетомъ. —

7.

Святый мужъ еще взглянулъ на Рыцаря и вздохнулъ изъ глубины сердца: въ немъ пробудились воспоминанія о давно минувшемъ. Нѣкогда самъ онъ сражался въ Италіи, въ Испаніи; лѣ-

та юности, отваги оживились въ его мысляхъ, и онъ пошелъ медленно къ саду, находящемуся посреди зданій. Надъ ними возвышались готическіе своды; подъ ними трещали кости умершихъ.

8.

Листья и цвѣты, наклоненные росою, блистали отъ лучей мѣсяца; такіе же цвѣты и листья, изсѣченные рукою художника, представлялись на стѣнахъ, на сводахъ. Монахъ смотрѣлъ на мѣсяцъ, потомъ обратилъ взоры свои къ сторонѣ полуночной. Лучи свѣта, изливаясь отъ полюса, кружились на тверди небесной. Такими нѣкогда видѣлъ онъ храбрыхъ Кастильцовъ, подъ блестящею збруей, легкими толпами кружившихся на полѣ, и сѣявшихъ стрѣлы. Онъ видѣлъ, какъ летающіе на лучахъ духи рисовали круги по горизонту.

9.

Двойными желѣзными вратами вошли они въ священное обиталище

мертвыхъ. Угрюмый портикъ, поддерживаемый высокими столбами, заслонялъ собою входъ въ сіе мѣсто; верхъ свода украшался кринами и другими цвѣтами. Грозныя, уродливыя лица дико смотрятъ съ надстолбій; вокругъ ихъ вырѣзаны трофеи.

10.

Щиты висятъ на стѣнахъ каменныхъ; изорванныя хоругви со свистомъ развѣваются вѣтрами около жертвенника, на которомъ мерцающая лампада едва освѣщала урну съ прахомъ мужественнаго вождя при Оттербурнѣ и Чернаго Рыцаря Лиддесдаля. О время скоропреходящее! о гордыня, сопровождающая людей ко гробу забвенія!

11.

Мѣсяцъ проглядывалъ сквозь окно восточное, на которомъ готическимъ художествомъ изваянные листки и вѣтви разбросаны были съ такимъ искусствомъ, что, кажется, незримыя существа нарочно сбирали вѣтки

тополя и вербы, и что вѣнки свои онѣ сами превратили въ камень. На стеклахъ оконъ изображенные Святые и Пророки окружали Св. Михаила, который пламеннымъ мечемъ своимъ поражаетъ отпадшаго. Лучи, проходящіе сквозь сіи стекла, принимали багряный цвѣтъ отъ изображеній на окнахъ, и, казалось, бросали кровавыя брызги на мраморныя гробницы.

12.

Оба сѣли на гробѣ нѣкоего Короля Шотландскаго. Тогда старецъ началъ рѣчь свою: „Не всегда былъ я подверженъ болѣзнямъ. Я странствовалъ по землямъ невѣрныхъ, сражался подъ знаменіемъ креста Господня; а теперь видъ и звукъ твоего оружія удивляютъ ухо мое и око!

13.

„Угодно было Небу, чтобы въ странахъ далекихъ подружился я съ Михаиломъ Скоттомъ. Человѣкъ сей такъ силенъ былъ въ искусствѣ чаро-

дѣйства, что когда во глубинѣ подземельныхъ сводовъ Саламанки поднялъ волшебный жезлъ свой, то при церкви Пресвятыя Дѣвы колокола начали звонить сами собою. Онъ научилъ меня своему искусству, и я могъ бы повторить передъ тобою такія слова, силою которыхъ принудилъ бы гору Ейльдонъ разсѣсться, а рѣку Твидъ заключилъ бы въ нѣдрахъ кремнистаго ея исходища; но грѣхъ смертный произносить оныя слова ужасныя, и нынѣ я долженъ трикраты покаяться, что объ нихъ помыслилъ.

14.

„Уже на одрѣ смертномъ, терзаемый совѣстію, Михаилъ захотѣлъ видѣть меня предъ собою. Еслибъ я открылъ тебѣ, что сказалъ мнѣ умирающій — — — ты узрѣлъ бы сводъ сей падающимъ, и гробы покрылись бы его обломками.

15.

„Я долженъ былъ присягнуть, что скрою въ землѣ пагубную книгу,

и что никому не объявлю о ней, развѣ когда бы вождь Бранксомскій захотѣлъ прибѣгнуть къ таинственной рукописи; но и въ семъ случаѣ обѣщалъ я снова скрыть оную. Въ ночь, на канунѣ Св. Михаила, въ первомъ часу, при сіяніи мѣсяца, утаптывалъ я гробъ, осѣняемый крестомъ патрона.

16.

„Ночь, въ которую похоронилъ я Михаила, ознаменована была зловѣщими явленіями. Въ ушахъ моихъ раздавался шумъ необычайный; въ самое тихое время завѣсы колебались сами собою ——— " Еще продолжалъ старецъ, какъ на часахъ пробило двѣнадцать. Вильгельмъ Делоренъ былъ неустрашимъ, и никогда непріятель не видалъ, чтобы онъ поколебался; но здѣсь и онъ ощутилъ въ себѣ трепетъ, пробѣжавшій по всѣмъ его жиламъ; волосы на головѣ его зашевелились.

17.

„Смѣло, Рыцарь! настала минута! червленый крестъ указываетъ мѣсто, гдѣ почиваетъ могучій. Свѣтъ блистаетъ надъ камнемъ его, дабы разсѣять духовъ мрака, и свѣтъ сей не погаснетъ даже до суда послѣдняго.“ Рекъ и показалъ Делореню соединеніе мрамора, далъ ему рычагъ желѣзный и велѣлъ поднять надгробный камень.

18.

Сердце билося въ Рыцарѣ, чело его покрылось холоднымъ потомъ, когда усиливался онъ поднять тяжелую глыбу; но лишь только удалось ему двигнуть камень, мгновенно свѣтлое пламя вылетѣло изъ гроба и блескъ его досягнулъ даже до свода. Морщинистое лице столѣтняго старца казалось еще блѣднѣе подъ темнымъ головнымъ покровомъ; черты лица и шлемъ Рыцаря внезапно освѣтились.

19.

Трупъ Михаила простертый, лице и бѣлая борода открытыя казались

вчера лишь погребенными. Одежда на немъ перевязана была поясомъ Испанскимъ. Въ правой рукѣ имѣлъ онъ серебряный крестъ, въ лѣвой таинственную книгу. На сторонѣ мерцала вѣчная лампада. Видъ его отличался величественною гордостію, передъ которою затрепетали бы злые духи; можно было думать, что онъ получилъ прощеніе передъ престоломъ милосердія.

20.

Сто разъ Делоренъ попиралъ ногами бездушные трупы на кровавомъ полѣ, не ощущая ни боязни, ни укоризнъ совѣсти; но доселѣ невиданное зрѣлище насквозь пронзило сердце его и смѣшало разсудокъ. Старецъ читалъ молитву; молился, отвративъ свои очи, и не могши взирать на того, кого прежде любилъ какъ брата.

21.

„Поспѣшай теперь!" съ торопливостію воскликнулъ онъ, окончивъ мо-

литву: „или исполняй препорученіе, или насъ постигнетъ бѣда великая; ибо тѣ, на которыхъ взирать недерзаемъ, толпятся здѣсь вокругъ открытаго гроба." Тогда Вильгельмъ, дрожащій, схватилъ ужасную книгу, и вырвалъ ее изъ хладной руки мертваго. Казалось, будто бы трупъ наморщилъ чело свое, выпуская книгу, оправленную желѣзомъ; но можетъ быть и страхъ, насильственно овладѣвшій Рыцаремъ, представилъ очамъ его суетное видѣніе.

22.

Когда гробъ снова накрыли тяжелымъ камнемъ, ночь сдѣлалась темнѣе, мѣсяцъ закатился, звѣзды исчезли. Старецъ и Рыцарь идутъ нетвердыми стопами и осязаніемъ ищутъ дверей церковныхъ. Грозные отзвуки гремѣли изъ подъ сводовъ, стоны раздавались отъ высокихъ переходовъ храма. Какія-то выраженія особенной радости и голоса́ отъ земныхъ отличные мѣшалися съ тѣми стонами, смут-

ными, унылыми. Вы сказали бы, что духи нечистые веселятся, видя пагубныя чары, видя средства обольщенія, на свѣтъ выносимыя. Могло статься, что сего и неслучилось; но я повѣствую, какъ самъ слышалъ.

23.

„Выходи теперь!“ сказалъ инокъ „немедли! О, если бы Дѣва Марія и Святый Іоаннъ благоизволили намъ въ смертный часъ даровать прощеніе въ томъ, что́ мы учинить дерзнули!“ И возвратясь въ тѣсную свою келлію, началъ молиться; но когда заутренній звонъ колокола собралъ иноковъ къ Божіей службѣ, нашего старца уже небыло въ здѣшнемъ мірѣ. Его нашли передъ крестомъ, съ простертыми руками лежащаго, какъ бы все еще продолжалъ онъ свою молитву.

24.

Рыцарь дышалъ свободнѣе на открытомъ воздухѣ; онъ всячески старался ободрить себя, и ощутилъ

легкость, уже минувши гробы, которыми окружены монастырскія стѣны. Но таинственная книга все еще давила ему перси, и жилистые члены его трепетали, какъ тополовые листья. Съ благодарнымъ сердцемъ привѣтствовалъ онъ день на угрюмой горѣ Чевіотѣ, и повторялъ, какъ умѣлъ, свою молитву: *Радуйся Благодатная.*

25.

Солнце позлатило верхи Чевіота и возвышенность Картера, когда Рыцарь очутился на берегу Тевіота, при замкѣ Браксомѣ. Пернатыя, начавши воспѣвать свои утренніе гимны, будили ими цвѣты весенніе; стыдливая фіалка проглянула, роза на горахъ раскрыла нѣдро свое для лучей солнца; но и розы горной и стыдливой фіалки прекраснѣйшая Нимфа долины Тевіотской еще на зарѣ утра оставила свое ложе.

26.

За чѣмъ же прекрасная Маргарита встала такъ рано? Для чего тороп-

ливо застегиваетъ свой поясъ? Отъ чего нѣжные персты ея съ такимъ трепетомъ вяжутъ въ узелъ ленту? Отъ чего смотритъ она вокругъ, съ опасеніемъ прокрадываясь скрытною лѣстницей? Для чего ласкаетъ рослаго пса, выходящаго изъ своей клѣтки? Для чего охотничій рогъ стража недаетъ знака, что Маргарита идетъ изъ за́мка? Она боится, чтобы матерь неуслышала визга пса, изъявляющаго свою радость; боится, чтобы тотъ же песъ лаемъ своимъ неразбудилъ служителей за́мка. Стражъ незатрубилъ въ рогъ, потому что онъ молочной братъ Маргариты. На зарѣ утра идетъ она въ ближнюю просѣку, гдѣ ждетъ ее Баронъ Генрихъ, вѣрный ея Рыцарь.

27.

Вотъ оба сидятъ подъ деревомъ цвѣтущимъ. Никогда еще прекраснѣйшей пары не было вмѣстѣ въ скрытномъ убѣжищѣ. Онъ молодъ, нарядень, статенъ — ужасъ въ бояхъ, утѣха

въ замкахъ. Нимфа же Бранксомская, то невольно обнаруживая, то умышленно скрывая движеніе сердца, оживляетъ лице свое новымъ блескомъ; удерживаемое дыханіе возвышаетъ перси ея подъ тѣснящею одеждой; голубыя очи говорятъ изъ подъ золотыхъ кудрей, которыми они закрыты. Ахъ! гдѣ найти красоту, достойную сравниться съ нею?

28.

Теперь-то, почтенныя дамы, кажется мнѣ, вы слушаете мою музыку. Отведите густыя кудри; онѣ препятствуютъ слышать и видѣть. Приближьте бѣлыя выи, чтобы лучше могли внимать мнѣ. Ждете, чѣмъ кончится трогательное свиданіе четы примѣрной своею любовью? желаете знать, какъ Рыцарь старался увѣрять въ чрезмѣрной любви своей, какъ присягалъ онъ, что никогда, никогда неперестанетъ любить красавицу; какъ она краснѣлась, какъ вздыхала, какъ умилостивилась надъ томящимся обо-

жателемъ и поклялась умереть незамужнею, если по возстановленіи мира не соединить судьбы своей съ Генрикомъ Кранстономъ?

29.

Ахъ, милостивыя государыни! тщетно ожиданіе ваше; арфа моя забыла выражать взаимныя ласки, и мой возрастъ непозволяетъ уже мыслить о любовныхъ пѣсняхъ. Зимы убѣлили чело мое; кровь течетъ во мнѣ уже медленно; сердце мое неживетъ болѣе. Не мое дѣло воспѣвать чувства лѣтъ юношескихъ.

30.

Подъ мшистымъ дубомъ карло Бароновъ держалъ коня господина своего, шлемъ его и дротикъ. Если вѣрить слухамъ, какіе носились въ народѣ о семъ карлѣ, онъ едва ли принадлежалъ къ роду человѣковъ. Господинъ его (такъ молва гласитъ), бывъ однажды на ловищѣ, услышалъ раздавшійся голосъ: погибло! погибло! погибло! И вдругъ сіе малое чудовище, болѣе

на обезьяну нежели на человѣка похожее, выдавшись изъ за куста, прыгнуло однимъ разомъ на тридцать три шага и уцѣпилось за колѣна Барону. Смущенный приключеніемъ, Баронъ погналъ коня, желая избавиться отъ столь неприятнаго товарища; но прискакавши въ за́мокъ, увидѣлъ, что карло уже тамъ его дожидался.

51.

Къ чудесному, какъ говорятъ, можно привыкнуть; такъ и Баронъ привыкъ къ чудному карлу. Сіе странное существо мало употребляло пищи, еще менѣе говорило, и уклонялось отъ всякаго сообщенія съ служителями за́мка: замѣчено было, что карло сей нерѣдко чертами лица показывалъ странныя движенія, бормоталъ самъ съ собою. Былъ онъ золъ, вѣтренъ, но вѣрно и усердно служилъ Лорду Кранстону. Господинъ отдавалъ ему справедливость; безъ помощи своего пажа, однажды ѣдучи лѣсомъ, онъ утратилъ бы свободу, а можетъ быть

и жизни бы лишился. Всѣ говорили о карлѣ-чародѣѣ, и многія объ немъ носились повѣсти.

32.

Баронъ предпринималъ нѣкогда путешествіе къ часовнѣ Богоматери по данному обѣту— — —Владѣтельница Бранксома собрала триста отличныхъ Рыцарей. Они окружили равнину Дуглась, потянулись вдоль рѣки Ярова и передъ свѣтомъ прибыли къ озеру Св. Маріи; но въ часовнѣ уже ненашли Барона. Объятые гнѣвомъ безсильнымъ, сожгли часовню, и проклинали чародѣя-карла, которой спасъ своего господина.

33.

Карло, стрегущій подъ дубомъ, замѣчаетъ, что конь поднялъ уши и уставилъ глаза, какъ бы пугался далекаго шума. Мгновенно протягиваетъ онъ тощую руку, и подаетъ любовникамъ знакъ, чтобы спасались бѣгствомъ. Не время уже вздыхать, про-

износить обѣты; должно разстаться. Маргарита удаляется черезъ рощицу, какъ испуганная голубица. Рыцарь бросился на коня, скачетъ къ сторонѣ восточной и въ кустахъ тѣнистыхъ скрывается отъ взоровъ.

Голосъ Барда началъ слабѣть. Онъ прекратилъ пѣніе. Пажъ, которой слушалъ пѣвца внимательно и со вздохами, подалъ ему кубокъ вина Велезскаго. Старецъ, дрожащей рукою возвысивъ сосудъ драгоцѣнный и устремивши взоръ къ небу, просилъ благословенія на Герцогиню и на всѣхъ, кои являютъ помощь свою Бардамъ. Юныя дѣвы улыбались, взирая на пѣвца, истощающаго кубокъ съ дорогимъ напиткомъ. Ободренный виномъ, старецъ и самъ смотрѣлъ на нихъ уже весело, съ приятной улыбкою. Крѣпительное питье наполнило его жилы и освѣжило душу. Съ большею живостію, съ чувствомъ примѣтнаго удовольствія игралъ онъ пробные тоны, и

вотъ какъ началъ воспѣвать приключенія Бранксомскаго за́мка.

Пѣснь третья.

1.

Вправду ли сказалъ я, что старость обременила мои члены, что кровь во мнѣ застыла, что погасъ во мнѣ жаръ стихотворства, что сердце мое утратило искру жизни? Не уже ли сказалъ, что воспѣвать любви не умѣю? Ахъ! какимъ образомъ лживыя уста мои дерзнули отречься отъ предмета изъ всѣхъ любезнѣйшаго, какіе только могутъ наполнять восторгомъ душу поющаго Барда? Какъ! одно имя любви не двигнуло ли самыхъ громкихъ струнъ моей арфы? Не издали ль онѣ звуковъ, имѣющихъ непреодолимую силу трогать сердце и наполнять его сладостнымъ умиленіемъ?

2.

Въ мирное время любовь являетъ себя въ пастушескихъ пѣсняхъ, въ военное же гонитъ коня, быстраго

нарысталищѣ; въ городахъ она кроется подъ богатымъ нарядомъ, въ селахъ бѣгаетъ по пригоркамъ. Она повелѣваетъ Царямъ, побѣдителямъ, поселянамъ, равно какъ предписываетъ законы и смертнымъ на земли и воздушнымъ существамъ незримымъ.

3.

Вотъ что говорилъ самъ себѣ Кранстонъ, вспоминая трогательную сцену, когда ѣхалъ черезъ Бранксомскую рощу. Вдругъ пажъ его подалъ знакъ громкимъ свистомъ. Едва успѣлъ прикрѣпить забрало, какъ вдругъ Рыцарь, съ ногъ до головы вооруженный, скачетъ во всю мочь и грозитъ нападеніемъ. Конь его покрытъ пылью и пѣной, збруя обагрена кровью; казалось, что онъ скакалъ во все продолженіе ночи. То былъ Вильгельмъ Делоренъ.

4.

Взглянувъ на оперенный шлемъ Кранстоновъ, посланникъ забылъ о трудахъ подъятыхъ, и мгновенно выставляетъ свой дротикъ. Словами пре-

зорства и досады выражаетъ ненависть свою къ Британцу, который отвѣтствуетъ взаимнымъ порицаніемъ и готовится къ бою. Даже кони рыцарей, казалось, поняли, что всадники ихъ были вѣчными врагами. Они ржутъ, становятся на дыбы съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ.

5.

Баронъ стремится къ непріятелю; молится и вздыхаетъ — молитва Патрону, вздохъ любимицѣ сердца. Напыщенный Делорень не молится и не вздыхаетъ. Онъ гнется впередъ, мещетъ копье, пускаетъ удила. Встрѣча храбрыхъ подобится громовому удару.

6.

Ужасенъ былъ натискъ Шотландца. Перья Баронова шлема разлетѣлись; онъ самъ, налегши на устремленный дротикъ, касается головы конской. Древко убійственнаго оружія распадается на части; но метательное копье Англичанина, болѣе крѣпкое и

острое, пробиваетъ щитъ, кольчугу противника и вонзается въ его перси. Конь, потрясенный внезапнымъ ударомъ, падаетъ вмѣстѣ съ Рыцаремъ; Баронъ же, унесенный своимъ, удаляется, думая, что противникъ его преслѣдуетъ: такъ встревожилъ его ударъ крѣпкой мышцы! такъ смѣшалъ въ немъ смыслъ и разсудокъ!

7.

Но вскорѣ онъ приходитъ въ себя и возвращается на мѣсто боя. Видя противника, въ крови простертаго, приказываетъ пажу завязать ему рану и проводить въ Бранксомскій за́мокъ. Благородное сердце сжалилось надъ ближнимъ любимой имъ красавицы. „Скорѣе!“ воскликнулъ онъ къ карлу: „я же немедленно долженъ удалиться, ибо страшусь умерѣть, неисповѣдавши грѣховъ своихъ.“

8.

Онъ уѣхалъ, оставивъ пажа. Карло никогда непротивился велѣніямъ

господина; но доброе и полезное всегда исполнялъ неохотно. Снимая кольчугу съ Рыцаря, онъ примѣтилъ ужасную книгу. Удивился тому, что Рыцарь носитъ вещь, болѣе приличную духовной особѣ, и забывши о ранѣ, искалъ таинственнаго способа открыть книгу, связанную желѣзною цѣпью.

9.

Долго трудился карло кривыми перстами своими надъ чародѣйскою книгой. Снятый крючокъ мгновенно самъ собою надѣвался, какъ скоро пажъ брался за другой, чтобъ отдѣлить его отъ петли. Упругія накладки и цѣпочка стальная противились рукѣ, не омытой водою крещенія, и противились дотолѣ, пока злокварный непомазалъ оклада книги черною кровью умирающаго. Таинственные листы вдругъ развернулись: явили грозныя волшебства, сильную власть черной магіи и непостижимыхъ обаяній. Адскимъ книги сея могуществомъ жена превраща-

лась въ рыцаря, мрачныя стѣны темницы равнялись позлащеннымъ сводамъ, орѣховой жезлъ становился кораблемъ драгоцѣннымъ, хижина дворцемъ, младенецъ старцемъ, и преклонный возрастъ украшался прелестями лѣтъ юношескихъ.

10.

Едва злоковарный пажъ прочиталъ нѣсколько строчекъ, вдругъ почувствовалъ столь крѣпкой ударъ въ лице свое, что палъ на землю подлѣ Рыцаря. Испуганный, страдающій отъ боли карликъ, вставая, бормоталъ себѣ подъ носъ: „Сильна рука твоя, старче!" Несмѣлъ онъ читать далѣе, и чудные листы сами собою закрылись, хотя и были намазаны Христіянскою кровью. Книгу спряталъ карло подъ свою одежду. Желаете ли знать, кто ударилъ пажа? Объявить не дерзаю; довольно, что оное существо уже не принадлежало къ числу живыхъ тварей.

11.

Неохотно приступилъ карло къ исполненію воли господина. Поднялъ еще теплое тѣло Рыцаря, привязалъ его къ коню, и мимо стражей доѣхалъ до за́мка Бранксома. Всякому казался онъ возомъ сѣна. Пажъ принесъ его въ башню Лорда Давида, находившуюся близь таинственнаго обиталища владѣтельницы за́мка. Но госпожа сія противупоставила сильнѣйшія чары, и карло со всѣмъ искусствомъ своимъ не могъ отворить дверей, чтобы положить трупъ на одрѣ самой хозяйки. Злобно повергнулъ онъ бремя свое на землю и обагрилъ помостъ кровію свѣжей раны.

12.

Удаляясь изъ за́мка, увидѣлъ прекрасное дитя, забавлявшееся игрою. Онъ вознамѣрился схватить его, какъ лѣсной убійца; ибо волшебное чудовище сіе всегда имѣло на умѣ только лишь злые умыслы. Принявъ на себя видъ сверстника младенцу, пригласилъ

его въ лѣсъ играть вмѣстѣ съ собою. Стоящая на мосту стража видѣла въ немъ знакомаго пса, жившаго въ замкѣ, и онъ прошелъ свободно.

13.

Карло повелъ дитя межъ отдаленными пропастями къ берегу потока; но вода разрушила занятыя прелести, и пажъ вдругъ явился въ естественномъ своемъ видѣ. Еслибъ могъ удовлетворить злому своему желанію, онъ утопилъ бы прекраснаго младенца, или задушилъ бы его кривыми, жилистыми руками; но страшился грозной матери, ибо власть имѣлъ ограниченную. И такъ долженъ былъ удовольствоваться возможнымъ: ужасно завылъ надъ ухомъ испуганнаго дитяти, потомъ исчезъ въ дикомъ лѣсу, смѣяся и крича громко: погибло, погибло, погибло!

14.

Трепещущій младенецъ, пораженный столь страннымъ явленіемъ и крикомъ, стоялъ безмолвенъ, неподви-

женъ, какъ уединенная лилея. Потомъ колеблющимися стопами искалъ пути къ Бранксому; ему казалось, что въ каждомъ деревѣ видитъ ужасную фигуру карла, и дрожащій отъ страха бѣжалъ изо всей силы. Такъ углублялся онъ въ густоту лѣса, думая, что идетъ къ за́мку. Вдругъ слышитъ звуки пса, долетающіе къ нему съ горной вершины.

15.

Онъ слушаетъ; отдаленный лай кажется ему часъ отъ часу ближе. Наконецъ видитъ звѣря: то былъ огромный песъ черный съ желтой головою; мордою рылъ онъ землю, а изъ очей своихъ, казалось, пускалъ струи пламени Взглянувъ на блуждающаго малютку, мгновенно бросается на него, какъ бѣшеный. Надобно было видѣть смѣлую наружность младенца, достойнаго родительской храбрости. Отчасти гнѣвный, отчасти изумленный нечаянностію, онъ краснѣетъ въ лицѣ, грозится прутомъ, и крѣпко бьетъ имъ зем-

лю передъ собою; звѣрь же между тѣмъ, уже готовый напасть на младенца, чаще издаетъ лай свой, дикій и бѣшеный. Вдругъ является стрѣлокъ съ натянутымъ лукомъ; но въ то же мгновеніе загремѣлъ чей-то голосъ: „Стой! это младенецъ!"

16.

Вотъ и еще какой-то человѣкъ выходитъ изъ лѣса. Говоритъ со стрѣлкомъ, кричитъ на собаку. То былъ селянинъ изъ Ланкашира. Ни одинъ стрѣлокъ вѣрнѣе не напрягалъ своего лука, и лань, въ пяти стахъ шагахъ бѣгущая, падала мертвою отъ стрѣлы его. Изъ подъ шапки его видны были черные короткіе волосы, и носилъ онъ крестъ Св. Георгія. Охотничій рогъ висѣлъ у него на волчей кожѣ, а блестящій и острый ножъ неодного уже произилъ оленя.

17.

Короткая одежда его была того же цвѣта какъ древесныя листья; щитъ, не длиннѣе одного локтя, со-

ставлялъ всю его оборону: ибо онъ непочиталъ того за стрѣлка, кто цѣлитъ ниже колѣна. Въ рукѣ держитъ лукъ свой и своры гончихъ.

18.

Ничѣмъ не вредитъ младенцу; но схватилъ крѣпко, чтобы не могъ онъ ни упираться, ни бѣжать отъ незнакомцевъ. Юный плѣнникъ, увидѣвъ крестъ червленный, еще съ большимъ усиліемъ вырывался. »Ну, Едуардъ!« воскликнулъ охотникъ: „божуся Св. Георгіемъ, сегодня мы счастливы своей добычей. Дитя прекрасное собой и отважное; надобно думать, что оно знатной породы.«

19.

— Такъ, я знаменитаго рода! — смѣло отвѣчалъ младенецъ, поднявъ къ верху малую свою голову: Я наслѣдникъ храбраго Буклейга. Раскаешься, измѣнникъ, если теперь же меня не пустишь. Валтеръ Гарденъ и Вильгельмъ Делорренъ нападутъ на тебя, со всѣми горными Шотландцами

отъ Еска до Твида. Несмотря на лукъ твой и стрѣлы, они велятъ повѣсить тебя на кормъ воронамъ, если не отпустишь меня въ сію же минуту. —

20.

„Благодаренъ за добрыя желанія, мой любезный малютка! Но ежели ты сынъ Рыцаря столь знаменитаго; то и намъ нужна осторожность. По твоей милости, будетъ работа моимъ стрѣламъ и луку. Между тѣмъ непо-лѣнись, пожалуй, слѣдовать за мною съ Лордомъ Дакромъ. Поймавши сына отца твоего, не можемъ сказать, чтобы охота наша была неудачна.“

21.

Когда стрѣлки вели съ собою младенца, въ замкѣ никто невоображалъ себѣ, что его нѣтъ дома, ибо карло принялъ на себя его наружность. Мнимое дитя дѣлало тамъ несносныя проказы: щипало, царапало; поранило товарищей юнаго Барона; изорвало шелковое платье дѣвицы Модлинъ; подставило раскаленную кочергу къ

одному ратнику, которой, схвативъ желѣзо, обжегъ себѣ пальцы: я не кончилъ бы, еслибъ надобно было говорить о всѣхъ шалостяхъ, какія дѣлалъ въ за́мкѣ мнимый младенецъ; многимъ казалось, что имъ овладѣлъ духъ нечистый.

22.

Владѣтельница Бранксома давно бы, я увѣренъ, разрушила чародѣйство; но она занята была ранoю Делорреня. Крайне удивилась, нашедши Рыцаря, лежащаго у порога ея комнаты. Мыслила, что какой-либо духъ небесный наказалъ его за дерзскую рѣшительность раскрыть таинственную книгу, вопреки строгому запрещенію; но изломанное копье оставалось еще въ его персяхъ; копье же было изъ дерева и обыкновенной стали.

23.

Извлекла острiе, призвала силу чародѣйства для удержанія крови, завязала рану, вращала въ рукѣ облóмокъ копія, очищала его кропленіемъ,

и въ то самое время, какъ она употребляла различныя свои средства, Рыцарь, думая, что желѣзо еще находится въ его персяхъ, повернулся для облегченія боли. Долго и прилѣжно заботилась госпожа о выздоровленіи храбраго, вѣрнаго служителя; потомъ объявила придворнымъ своимъ дѣвицамъ, что въ двадцать четыре часа возвратитъ Рыцарю и силы и здоровье.

24.

Насталъ часъ, когда желѣзное било возвѣщаетъ вечернюю пору. Погода была тихая, отмѣнно пріятная. Рѣка текла спокойно, роса издавала бальзамическій запахъ. Самая стража башни ощущала сладостное вліяніе вечера прекраснаго. Но въ тысячу разъ прекраснѣйшая Маргарита, съ неменьшимъ удовольствіемъ уединенно вдыхала въ себя свѣжій воздухъ. Сидя въ комнатѣ башни, она пробудила громкіе звуки лютни сладкогласной; въ душѣ ея минутами то прояснялось, то

исчезало воспоминаніе о послѣднемъ разговорѣ съ милымъ. Свѣтлые волосы ея висятъ на свободѣ; бѣлое лице покоится на ладони, а голубыя очи ищутъ на небѣ вечерней звѣзды, столь милой для любящаго сердца.

25.

Но вечерняя ли звѣзда на горѣ Пенхристѣ? Она ли разливаетъ вокругъ себя дрожащее сіяніе и какъ бы потрясаетъ волосами? Не уже ли етотъ алый огонь есть звѣзда вечерняя? — То знакъ войны и бѣдствій. Маргарита удерживаетъ дыханіе, ибо ей извѣстно, что было то вызовомъ къ бою, знаменіемъ погибели.

26.

Воинъ стражи, усмотрѣвъ пламя, потрясаетъ воздухъ трубнымъ звукомъ. Раздался призывный голосъ къ битвамъ; ехо лѣсовъ и потоковъ, горъ и утесовъ повторило пронзительные звуки. Воители, въ пиршественной залѣ собранные, поспѣшно выходятъ. Дворъ за́мка, пламенниками освѣщен-

ный, представляетъ разнообразную картину: оперенные шлемы то блестятъ, то скрываются; метательныя копья, движимыя въ безпорядкѣ, подобны вѣтвямъ, колеблемымъ отъ сильныхъ дуновеній вѣтра на берегу озера.

27.

Предводитель, коего бѣлые волосы багрятся огнемъ пламенниковъ, стоитъ въ кругу Рыцарей и съ важностію раздаетъ военные приказы: „Знакъ битвы блеснулъ на высотѣ Пенхриста!" воскликнулъ старецъ: „на коней, Рыцари! за вождя Бранксома! Тодригъ да призоветъ обитателей Джонстона, всегда вѣрныхъ выгодамъ нашимъ. Для Лиддесдаля не требуется воззваній! Еліотъ и Армструи видятъ знакъ, и мы скоро ихъ встрѣтимъ. Алтонъ! скачи во всю мочь наблюдать движенія. Головою отвѣчать будешь, если пограничной стражи не извѣстишь въ надлежащее время. Гилбертъ! воспламени щаръ го-

рючій, чтобы наши люди и всѣ друзья наши подняли оружіе.«

28.

Прекрасная Маргарита на высокой башнѣ своей слышитъ бряцаніе желѣза на помостѣ за́мка, слышитъ звукъ оружія ополченныхъ Рыцарей, издающихъ грозные вопли; слышитъ топотъ конскій, клики вождей, звуки щитовъ, слова: »къ битвѣ, къ бою! на поле сраженія!« Рыцари выѣзжаютъ; въ скачь разсыпаются къ восточной сторонѣ и къ западной, къ полудню и полночи — собирать подданныхъ и союзниковъ.

29.

Служитель поспѣшно зажигаетъ маякъ, и окрестность озаряется алымъ его блескомъ; неровные лучи свѣта, простираясь съ вершины башни по воздуху, кажутся кровавою завѣсой. Вдругъ тысячи огней заблистали на высокихъ горахъ, въ ущеліяхъ, на долинахъ: то были призывные знаки къ губительному бою, и кругъ ихъ

отчасу болѣе расширялся. Вершины горъ выступали изъ мрака подобно звѣздамъ ночи, восходящимъ на безоблачномъ небѣ. Свѣтъ льется на темныя озера, на горы посѣщаемыя орломъ уединеннымъ, на мрачныя пирамиды скрывающія подъ собою тлѣющій прахъ героевъ. Наконецъ и Дюнединъ усматриваетъ огонь на вершинахъ Солтра и *Лотіана*: онъ узнаетъ велѣніе вождя, чтобы вооружена была вся граница.

30.

Въ Бранксомѣ во всю ночь неумолкаютъ звуки желѣза. Унылый звонъ колокола даже до разсвѣта не переставалъ напоминать о предстоящей битвѣ. Грозный стукъ раздавался отъ камней и глыбъ желѣзныхъ, поднимаемыхъ на стѣны, дабы подавить ими непріятеля. Стражи повторяли напоминанія свои о бдительной осторожности; и гончіе и охраняющіе замокъ псы громко выли при семъ смятеніи необычайномъ.

31.

Но владѣтельница зáмка съ улыбкой говорила о несчастіи, съ предводителемъ рыцарей дѣля попечительную заботливость о приготовленіи обороны. Ободряла юныхъ, брала участіе въ совѣщаніяхъ вождей и старцевъ. Небыло вѣрнаго извѣстія о замыслѣ враговъ, о силѣ ихъ и движеніи: одни простирали число ихъ до десяти тысячь; военный знакъ брани, по словамъ другихъ, былъ только лишь коварный подлогъ дружины Левена или Тинедаля, грабительствующей въ хижинахъ, и одинъ Лиддесдаль въ состояніи обратить ее въ бѣгство. Такъ протекала долгая ночь сія въ неизвѣстности, въ приготовленіяхъ и тревогѣ. Наконецъ показалась заря, нетерпѣливо ожидаемая.

Арфа умолкла. Дѣвицы хвалили пѣніе, и дивились печальной судьбѣ сѣдовласаго барда. »Не уже ли нѣтъ у тебя друзей?« вопрошали юныя; »нѣтъ

милой дочери, нѣтъ сына помощника?« — Увы! я лишился ихъ! отвѣчалъ старецъ, и преклонилъ голову. Рука его еще блуждала по арфѣ, чтобъ удержать слезы, готовыя брызнуть: смутные и сладостные аккорды, важная и трогательная мелодія выражали скорбь родительскую.

Пѣснь четвертая.

1.

О Тевіотъ, рѣка прекрасная! Уже огни, военные знаки, не блистаютъ въ твоемъ сребристомъ лонѣ! Вооруженныхъ Рыцарей не видно уже на колосистыхъ берегахъ твоихъ, ветлами заростшихъ! Тихая, молчаливая полоса твоя нынѣ даетъ поводъ мыслить, будто бы ничего ты неслыхивала, кромѣ свирѣли пастушеской, и что воды твои унесли съ собою всѣ воспоминанія скорби.

2.

Увы! перемѣнные случаи жизни никогда неистребятъ въ памяти со-

дѣланныхъ злодѣйствъ и претерпѣнныхъ страданій! Мученія совѣсти увеличиваются съ теченіемъ времени, и слезы минувшія оставляютъ по себѣ бо́льшую горечь для слезъ настоящихъ. Еще свѣжа въ душѣ моей та плачевная минута, когда храбрый сынъ мой, дитя единственное, палъ подъ копіемъ смертоноснымъ подлѣ храбраго Дундея! Ахъ! почто губительное оружіе, издали досягающее горцевъ, мечами кровавыми вооруженныхъ, почто самаго меня оно несразило? Почто сынъ и отецъ не легли въ единомъ гробѣ? . . . Но онъ умеръ смертію Рыцаря, умеръ въ тотъ день, когда сраженъ Гремъ побѣдоносный.

3.

Ужасъ распространяется по лѣсамъ, горамъ и долинамъ. Поселяне оставляютъ хижины, бредутъ черезъ топкія болота, чтобы найти безопасность въ пещерахъ утесовъ. Встревоженныя войска спѣшно собираются вблизи за́мка. Вооружаются Ры-

цари; матери и дѣвы радаютъ. Стража на вершинѣ башни замѣчаетъ вдали черные клубы дыма, освѣщенные солнцемъ: они служатъ знакомъ, что южная граница уже опустошается войною.

4.

„Всѣ готовьтесь къ бою!« восклицаетъ начальникъ стражи. Вижу Тинлина; онъ переходитъ черезъ Твидъ и спѣшитъ къ Бранксому. Ужасенъ долженъ быть натискъ, когда и онъ оставилъ башню Лидделя. Въ послѣдній разъ еще убійцы держали его цѣлую ночь въ осадѣ, но убѣжали на разсвѣтѣ; ибо знали они, сколь губительны стрѣлы Тинлина. Противъ него надобно цѣлое войско.“

5.

Только лишь кончилъ начальникъ стражи, какъ раздался топотъ конскій подъ стѣнами за́мка. Сидѣлъ Рыцарь на горномъ конѣ долгогривомъ, которой съ легкостію оленя бѣгалъ по берегамъ, тинистымъ и топкимъ. За

нимъ вѣрная подруга съ двумя на рукахъ близнецами; пѣшкомъ за ними бѣжитъ слуга полуобнаженный. Дордона, супруга храбраго, улыбается къ знакомымъ — румяная, черноволосая, гордо выказываетъ серебряные свои перстни и запонки. Тинлинъ собою высокъ, крѣпокъ въ рукахъ и гибокъ. Шапка надвинута на очи; широкія рамена покрыты кожаною одеждой; при бедрѣ сѣкира. Метательное копье, въ шесть пяденей длиною, кажется обагреннымъ свѣжею кровью. Мощная подруга его держитъ лукъ супружній и шишакъ величины огромной.

6.

Тинлинъ, представленный владѣтельницѣ за́мка, въ короткихъ словахъ доноситъ о непріятельскомъ движеніи: „Дакръ и Говардъ идутъ за нами съ многолюднымъ войскомъ копьеносцевъ и стрѣлковъ Германскихъ. Перешедъ Лиддель, они сожгли малую мою башню. Да воздадутъ имъ за то нечистые духи! Уже болѣе года про-

шло, какъ жилище мое горѣло. Пылающая жатва озаряла мое бѣгство. Чрезъ всю ночь я былъ преслѣдуемъ Акесгавомъ и Фергусомъ Гремомъ; но въ Скрогѣ я обратился лицемъ къ супостатамъ, загналъ коней ихъ въ болота, и метательнымъ копьемъ своимъ пронзилъ Фергуса. Долговременное желаніе исполнилось! Еще въ последнее заговѣнье онъ похитилъ коровъ моихъ.“

7.

Вѣсть сію подтвердили соглядатаи, прибывшіе съ Лиддельской долины. Если вѣрить отзывамъ, въ три часа можно собрать три тысячи человѣкъ на берегѣ Твида; но въ замокъ со всѣхъ сторонъ приходятъ малые отряды. Округи Тевіотскій, Ельскій, Етрикскій посылаютъ въ Бранксомъ свои участки. Спѣшно вооружаются воины, сѣдлаютъ коней, летятъ къ назначенному мѣсту; ибо опоздавшій будетъ замѣченъ госпожею замка.

8.

Храбрый Тирлестанъ сбираетъ подъ бѣлую хоругвь свою копейщиковъ, всегда готовыхъ къ бою, обитателей равнинъ, которыми отдѣляется серебристая вода Дѣвы Маріи отъ знойныхъ вершинъ Гамесклейга. Онъ имѣетъ право на щитѣ своемъ носить вѣнокъ лилейный; Король Іаковъ даровалъ ему сіе право на шумномъ полѣ Дефальскомъ въ тотъ день, когда Бароны Шотландскіе хотѣли уклониться отъ войны южной, и когда одинъ лишь Тирлестанъ явился въ назначенное время. Съ той поры шлемъ въ гербѣ его украшенъ связкою копій и надписью: *готовъ, всегда готовъ къ бою.*

9.

Преклонныхъ лѣтъ Рыцарь прибылъ въ за́мокъ съ многолюдною дружиной. На щитѣ его денница со звѣздами по золотому и лазуревому полю. Обширныя зе́мли его простираются отъ Оквуда до за́мка Овера, оби-

таемаго незримыми существами. Жилище его, окруженное лѣсомъ, господствуетъ надъ Бортвикомъ рѣкою. Отважные подданные Рыцаря пасутъ стада на темныхъ, обширныхъ равнинахъ, на поляхъ Англіи, купленныхъ кровію и множествомъ опасностей. Вся утѣха сего вождя грабителей состоитъ въ ночныхъ набѣгахъ. Передъ начатіемъ дня онъ прекращаетъ свои поиски. Прелести дѣвицъ Яровскихъ въ молодыя лѣта неистребили въ немъ военной страсти. Въ преклонные дни жизни еще презираетъ онъ бездѣйствіе. Шлемъ осѣняетъ чело его и волосы, бѣлые какъ снѣгъ Динлая. Шесть Рыцарей огромнаго роста, съ оружіемъ въ рукахъ, предшествуютъ войску родителя. Ни одинъ еще Рыцарь, храбрѣе Гарденскаго владѣльца, невозлагалъ на бедра свои ремня военнаго.

10.

Спускаются съ горъ Шотландцы Ескдаля. Храбрые оружіемъ приобрѣли себѣ землю, оружіемъ ее и охраня-

ютъ. Внимай, госпожа знаменитая! Разскажу, какъ предки твои овладѣли Ескдалемъ.

Прекрасная та долина принадлежала Графу Мортону, равно какъ и Беатиссоны, его подданные. Графъ былъ добръ душею и кротокъ въ поступкахъ, а подданные любили войну, отличались дикостію нравовъ, были надменны въ словахъ и на дѣлѣ, были недостойны владѣтеля благосердаго. Графъ прибылъ на долину требовать присяги и вѣрности. Ему понравился любимый конь Гильберта Веселаго, и Графъ сказалъ Гильберту: „Дай мнѣ коня; онъ полюбился мнѣ, слѣдовательно мнѣ и принадлежитъ по праву.“ — Мой любимый конь быстроногій много разъ спасалъ жизнь мою. Ты господинъ, ты Графъ мой; но я не думаю, чтобы ты возмогъ сидѣть на немъ съ моимъ искусствомъ. — Гнѣвъ, негодованіе запылали въ подданныхъ. Мортонъ едва не лишился жизни. Онъ спасся бѣгствомъ при помощи бича и

шпоры, и конь палъ мертвъ подъ нимъ при стѣнахъ Бранксома.

11.

Мортонъ былъ мстителенъ; онъ сказалъ владѣльцу Бранксома: „Покори измѣнниковъ подъ свое иго. Продаю тебѣ Ескдаль за мѣшокъ золота и за двѣ драгоцѣнныя птицы. Строго накажи родъ вѣроломный; пощади только Вудкеррика, ибо конь его спасъ меня отъ смерти.“ Храбрый Бранксомъ принимаетъ покупку; бросаетъ ему мѣшокъ золота, собираетъ пятьсотъ всадниковъ и ѣдетъ къ Ескдалю. Оставивъ въ густомъ лѣсѣ воиновъ, самъ скачетъ на равнину Еска, встрѣчается съ Гильбертомъ и говоритъ Веселому: „Признай меня своимъ господиномъ, бойся явить себя непослушнымъ предо мною, какъ передъ добрымъ Мортономъ: ибо, чѣмъ труднѣе игра, тѣмъ болѣе любитъ ее народъ Шотландскій. Сей часъ отдай мнѣ сѣраго коня своего, или раскаешься: трикратные

звуки трубы моей всѣмъ вамъ долго, долго будутъ памятны!«

12.

Отвѣтъ предваренъ былъ улыбкою презрѣнія. »Нестрашно для меня войско твое;« сказалъ Гильбертъ: »неуступлю коня своего Шотландцу.' Возвратись пѣшій въ Бранксомъ, откуда пришелъ ты; возвратись туда въ грязныхъ сапогахъ со ржавыми шпорами.« Какъ вдругъ гордый Шотландецъ подаетъ знакъ трубою, и громкій, пронзительный звукъ ея испугалъ всѣхъ оленей окрестныхъ. Въ слѣдъ за тѣмъ повторенъ звукъ грозный, и показались копья въ кустахъ, осѣняющихъ гору. Наконецъ въ третій разъ онъ затрубилъ такъ громко, что ехи Пентонлина пробудились. Ахъ! надобно было видѣть ужасное пораженіе! надобно было видѣть, какъ падали кони и всадники, съ какимъ трескомъ ломались копья! Вождь обнажилъ мечь свой, чтобы умертвить Гельберта. Кровь Беатиссоновъ очервленила

потокъ горный, и мѣсто битвы донынѣ еще именуется *побоищемъ веселыхъ.* Шотландцы разгоняютъ всѣхъ жителей; только одного пощадили. Такъ погибла усадьба Еска, такъ наказана за коня сѣраго.

13.

Приходятъ Витсладъ и Гидшавъ; за ними воины многочисленные, жители Ярова и Гиндога, Вудгуселя и Честерглена, конница и пѣхота, съ луками и копьями; всѣ радостно повторяютъ военный окликъ; никогда еще не собиралось войско, болѣе искусное нападать и защищаться. По мѣрѣ умножающихся помощниковъ и гордыня увеличивалась въ за́мкѣ; владѣтельница Бранксома велѣла сыну своему выступить съ рыцарями, дабы навыкалъ онъ искусству поражать враговъ своего родителя. „Уже сынъ мой способенъ къ бою!“ сказала: „видала я, какъ пущенной стрѣлою разорялъ онъ гнѣздо во́рона на вершинѣ утеса; не труднѣе попасть въ червленный знакъ

на вражескихъ персяхъ. Витсладъ! вооружи его щитомъ родительскимъ и научи владѣть оружіемъ«

14.

Можно догадаться, что злобный пажъ не думалъ благоприятствовать видамъ владѣтельницы. Подъ наружностію младенца, началъ онъ пугаться, кричать, плакать. Приставленные къ нему служители говорили въ слухъ, что дитя очаровано враждебными существами; ибо до сего времени оно было необыкновенно смѣлымъ. Мать ощутила стыдъ и гнѣвалась. „Уведите его отсюда!« сказала: „подданные не должны видѣть, что онъ столько робокъ. Отвезите его въ Буклейгъ. Тинлинъ будетъ сопутствовать ему до пустынныхъ мѣстъ Рангльбурна. Какой-либо злой духъ злорѣчилъ о родѣ нашемъ, когда утроба моя произвела на свѣтъ малодушнаго.«

15.

Но Тинлину сдѣлано препорученіе, весьма безпокойное. Конь только лишь почувствовалъ на себѣ злокварнаго уродца, какъ вдругъ началъ становиться на дыбы, яриться, несмотря на крѣпкой поводъ и удила. Едва могъ Тинлинъ проѣхать съ нимъ одну милю. Но въ самое время переправы черезъ глубину потока злобный карло принимаетъ свою собственную фигуру, отскакиваетъ прочь, удаляется со громкимъ смѣхомъ и крикомъ: „Погибло, погибло, погибло!« Быстро несется онъ; но пущенная Тинлиномъ стрѣла, которая и самаго карла быстрѣе, настигнувъ урода, пронзаетъ ему плечо на вылетъ. Карло неможетъ умерѣть, и рана его скоро заживаетъ; однакожъ малое чудовище ужасно вскрикнуло на бѣгу отъ несносной боли. Удивленный Тинлинъ удерживаетъ коня и спѣшитъ возвратиться въ Бранксомъ.

16.

Достигнувъ горы, господствующей надъ лѣсомъ и башнями Бранксома, онъ услышалъ оклики неприятельскаго войска; могъ отличить ржаніе коней между многочисленными звуками трубы и рога; слышалъ мѣрные шаги пѣхотныхъ воиновъ и торжественное удареніе въ бубны. Скоро за тѣмъ появляются хоругви; шлемы, копья, щиты блестятъ на зеленой равнинѣ.

17.

Вотъ и наѣздники отдѣльные выдвигаются впередъ, скачутъ по разнымъ направленіямъ въ безпорядкѣ, чтобы узнать дорогу. Кендальскіе стрѣлки въ зеленой одеждѣ, послушные трубному звуку, первые выступаютъ изъ лѣса. За ними передовая стража Лорда Дакра, состоящая изъ мужей сильныхъ и отважныхъ, въ бѣлой одеждѣ съ червленными крестами; при нихъ знамя, развѣвавшееся нѣкогда на стѣнахъ Св. Іоанна Акрскаго.

Барды шли рядомъ, воспѣвая хвалы благородному Лорду Дакру, стрегущему границу.

18.

За Англійскою переднею стражей идетъ наемное войско, приведенное Конрадомъ Волфенштейномъ съ береговъ Рейна. Сіи черныя толпы мужей, отличныхъ спокойною отвагой, движутся медленной стопою. Незнаютъ они другихъ жилищъ кромѣ открытаго поля, другихъ законовъ кромѣ оружія; не имѣютъ у себя ни властелиновъ, ни отечества. Повинуются Волфенштейну, которой продалъ кровь ихъ за золото. Не Англійская на нихъ одежда, не Англійское оружіе; епанчи съ рукавами покрыты кожей; огнестрѣльной снарядъ, поясъ, рогъ съ порохомъ. Колѣна ихъ почти обнажены для легкости при наступательныхъ движеніяхъ. Идучи, всѣ поютъ на грубомъ своемъ нарѣчіи военныя пѣсни Тевтонскія.

19.

Множатся вопли; трубы издають пронзительнѣйшіе звуки; Рыцари Лорда Говарда выходять изъ просѣки: то была послѣдняя стража, блестящая мечами и копьями. Юный вождь среди знаменитой дружины горить нетерпѣніемъ овладѣть башней; на шлемѣ его отечественный пукъ перьевъ; перевязь и перчатки — даръ любимой красавицы. Такъ шествуеть непріятельское войско; оно остановилось; ряды вытянулись въ боевой порядокъ, громко повторяя имена *Св. Георгія* и *Англіи.*

20.

Взоры всѣхъ осаждающихъ мгновенно устремились на башни Бранксома; войска сблизились; обѣ стороны могли слышать ударъ курка о полку. На выпускахъ башень, на бойницахъ шлемы, копья и сѣкиры. Длинныя пушки готовы изрыгнуть тучи убійственнаго града. Огни ружейныхъ выстрѣловъ безпрестанно сверкали ме-

жду пучинами чернаго дыма, клубящагося отъ котловъ, наполненныхъ оловомъ и масломъ: вещества сіи должны были излиться на головы осаждающихъ воиновъ, и дымъ отъ нихъ подобился губительнымъ испареніямъ изъ сосудовъ, въ которыхъ чародѣи составляютъ свои отравы. Между тѣмъ какъ неприятель наблюдаетъ сіи приготовленія къ оборонѣ, опускается мостъ подъемный, отворяется дверь при воротахъ; старый Сенекалъ, военный начальникъ Рыцарей, выступаетъ говорить къ Англичанамъ.

21.

Онъ весь вооруженъ, но съ открытой головою; бѣлая борода его лежала на панцырѣ. Удерживаетъ коня, крѣпко стиснувъ его колѣнами. Конь, приподнявшись на заднія ноги, дѣлаетъ подъ нимъ тихіе скоки; всадникъ держитъ въ правой рукѣ вѣтвь вербы въ знаменіе мирнаго посольства. Вдали слѣдующій за нимъ конюшій несетъ на концѣ дротика желѣзную перчатку.

Говардъ и Дакръ, усмотрѣвъ Сенекала, выступаютъ впередъ, чтобы слушать слова посольскія.

22.

„Оберегатели предѣловъ Англіи! Госпожа Буклейгъ желаетъ вѣдать, съ какимъ намѣреніемъ переступили вы границу? для чего въ мѣстахъ сихъ видимъ лукъ Кендаля и ружье Гильсланда? какимъ образомъ орды наемныя дерзнули ступить на Шотландскую землю? Госпожа моя повелѣваетъ вамъ поспѣшно возвратиться; объявляетъ, что ежели сожжете одну горсть соломы, ежели испугаете одну ласточку жилищь нашихъ; то костры военные запылаютъ въ селеніяхъ Кумберланда! Она клянется въ томъ именемъ Приснодѣвы.“

23.

Лордъ Дакръ былъ вспыльчиваго нрава; но разсудительный Говардъ предупредилъ его своимъ отвѣтомъ. „Госпожа твоя да благоволитъ сама явиться у ограды: ей скажемъ, для

чего пришли мы, и когда удалимся.« Посольство кончилось, и сама Госпожа благородная вышла къ стѣнамъ замка. Вожди, склонясь на копья, всматриваются въ герольда, пришедшаго говорить именемъ своего повелителя. Одежда на немъ Говардова цвѣта, и левъ на его персяхъ. Посланникъ ведетъ за руку цвѣтущаго младенца. Какое зрѣлище для матери! Сей младенецъ есть наслѣдникъ великаго Валтера Буклейга. Герольдъ, низко поклонясь, вѣщаетъ:

24.

„Съ прискорбіемъ вожди наши обнажаютъ мечь противъ госпожи, столь прекрасной и благородной; но долѣе они терпѣть не могутъ, чтобы пограничное твое войско для своевольныхъ грабительствъ переходило за черту, ввѣренную ихъ надзору. Неприлично госпожѣ твоего рода и сана, неприлично въ замкѣ своемъ давать убѣжище разбойникамъ. Мы пришли вытребовать Вильгельма Делореня,

который, нарушивъ перемиріе, разграбилъ, опустошилъ землю Музграва, и убилъ собственнаго его брата. Вдова одинокая не въ силахъ удержать сихъ опустошителей. Въ за́мкѣ твоемъ должно помѣстить двѣсти воиновъ моего начальника. Въ сію же минуту повели отворить ворота; иначе, дадимъ знакъ начинать приступъ, а младенецъ сей будетъ отправленъ въ Лондонъ, будетъ воспитанъ тамъ съ конюшими Королевскими.«

25.

Дитя рыдало; простирало руки свои къ матери, просило о состраданіи всѣхъ, узнаваемыхъ имъ на высокой стѣнѣ за́мка. Сердце матери терзалось; она колебалась въ предпріятіяхъ, слезящими очами искала участія во взорахъ вождей своихъ; но каждой изъ нихъ стоялъ неподвиженъ съ челомъ наморщеннымъ. Мужественно преодолѣваетъ она сердечныя чувства, удерживаетъ слезы и вздохи, принимаетъ на себя лице

ясное, и съ важнымъ спокойствіемъ такъ отвѣчаетъ на рѣчь герольда:

26.

„Славные повелители твои вооружаются противъ женъ и младенцевъ. Скажи своему господину, что Вильгельмъ Делоренъ возведенъ въ санъ рыцаря Дугласомъ на полѣ Анкрамской битвы, — на полѣ, упоенномъ Англійскою кровью. Кумберландъ незнаетъ ни единаго изъ Рыцарей, которому Вильгельмъ Делоренъ уступилъ бы въ знаменитости рода. Неустрашится онъ выдти противъ Музграва, и кровь виновнаго смоетъ пятно оскорбленной чести. Что же касается до наслѣдника дома Бранксомовъ, защитникомъ его будетъ самъ Богъ, который и меня не оставитъ. Никогда невыдамъ моего друга, и пока живу, неприятель не перейдетъ черезъ сіи стѣны. И такъ объяви нашъ вызовъ. Наши военные клики будутъ вамъ пѣснью погребенія, ибо всѣ вы найдете гробы свои въ моихъ владѣніяхъ.“

27.

Она кончила, и окинула взоромъ окружающихъ, ожидая отъ людей своихъ военнаго клика. Въ ту минуту искры полетѣли изъ очей Тирлестана; Гарденъ подалъ знакъ трубою, и развились хоругви, подвигнулись оперенные шлемы, пронзительные вопли огласили сводъ небесный. *Пресвятая Дѣва Марія и Буклейгъ!* воскликнули осажденные; Англичане же отвѣтствовали своей военною пѣснью. Всѣ копья преклоняются къ за́мку, всѣ пѣхотные воины дѣлаютъ шагъ впередъ и кладутъ стрѣлу на лукъ свой; Барды издаютъ военные звуки. Но еще не успѣли грянуть, какъ прискакалъ нарочный къ Англійскому полководцу.

28.

„Ахъ, Лорды благородные!“ сказалъ онъ, едва дыша отъ усталости: „что́ дѣлаете здѣсь, не помышляя объ опасной измѣнѣ? Передъ вами стѣны, а война за вами. Враги, торжествуя, кричатъ, что левъ попался въ сѣти.

Дугласъ развилъ уже свои хоругви: онъ идетъ, и за нимъ лѣсъ копій, блистающихъ между кустами темнаго Руберслава. Чтобы отрѣзать васъ отъ Кумберланда, Максевель собралъ своихъ подданныхъ подъ хоругвію орла съ лозою. Іедвудъ, Ескъ и Тевіотъ соединились подъ начальствомъ Ангуса! Гомъ, изгнанный изъ Кумберланда, созвалъ толпы людей изъ Мерса и Лаудердаля. Я скакалъ цѣлую ночь безъ отдыха, чтобы предохранить васъ отъ гибели.«

29.

—Пусть придутъ! гордо воскликнулъ Дакръ: пусть придутъ! Гряну на нихъ съ вершинъ сихъ башень, гдѣ скоро увидите и знамена и шлемы, которыя, нѣкогда развѣваясь на берегахъ Сирійскихъ, ознакомились съ вѣтрами Галилеи. Пѣхота! ружьеносцы! исполняйте свою должность! А вы, обреченные погибнуть, воины передовой стражи! спѣшите начинать приступъ! Смерть намъ, или побѣда Англіи! —

30.

»Помедлите минуту!« воскликнулъ Говардъ: »требую вниманія! Никто неукоритъ меня въ слабости, ибо никто невидалъ, чтобы левъ бѣлый оставался въ тылу сражающагося войска. Но мы жертвуемъ цвѣтомъ Англіи всему многолюдству Шотландцевъ. Владѣтельницѣ Бранксома еще неизвѣстно, что къ ней приближается помощь. Воспользуемся временемъ, согласимся на перемиріе. Пускай Делорень и Музгравъ рѣшатъ споръ свой оружіемъ. Если одолѣетъ нашъ Рыцарь, мы побѣдители; если погибнетъ, мы лишимся одного и отступимъ безъ стыда и потери«

31.

Высокомѣрный товарищь Говарда принялъ совѣтъ мудрый, хотя и весьма неохотно. Съ сей минуты никогда уже несоглашались они въ своихъ расположеніяхъ, и кратковременный споръ сей болѣе пролилъ крови въ другихъ сраженіяхъ, нежели сколько мо-

гло быть пощажено имъ подъ стѣнами Бранксома.

32.

Вторично приближается глашатай, и звукъ трубы даетъ знать о винѣ его посольства. Гордо бросивъ перчатку, онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Храбрый Музгравъ вызываетъ на поединокъ высокомѣрнаго Делореня. Если побѣдитъ онъ, юный наслѣдникъ Бранксома останется у насъ въ залогѣ; если же падетъ, младенцу возвращена будетъ свобода. Но чѣмъ бы ни кончился поединокъ, войско наше возвратится въ Кумберландъ какъ бы среди совершеннаго мира.«

33.

Вожди Шотландскіе, невѣдая о близкой помощи, соглашаются на перемиріе, и владѣтельница Бранксома тщетно противится ихъ договору. Знаетъ она посредствомъ искусства, котораго назвать несмѣетъ, знаетъ она, что помощь уже въ недалекомъ разстояніи; но ей должно скрыть из-

вѣстное, и она недерзаетъ подкрѣпить совѣтъ свой увѣреніемъ. Положено назначить мѣсто боя на лугу передъ зáмкомъ. Сраженію начаться должно въ четыре часа наступающаго утра. Сѣкира и ножъ будутъ единственнымъ оружіемъ поединщиковъ.

34.

Извѣстно мнѣ желаніе Бардовъ: имъ угодно, чтобы въ подобномъ случаѣ Рыцари дѣйствовали не пѣшіе, и чтобы, пустившись другъ противъ друга на коняхъ опѣненныхъ, сперва сразились метательными копьями, потомъ уже принялись бы за прочее оружіе; но Трубадуръ веселый, учившій меня въ юности, разсказалъ мнѣ всѣ подробности сего преславнаго поединка. Зналъ онъ всѣ законы, всѣ правила рыцарскіе временъ Архибальда Дугласа, прозваннаго *Чернымъ*, и нестерпѣлъ бы, чтобъ языкъ легкомысленный дерзнулъ приписать ему какую-либо лживость. За подобный упрекъ онъ собственной рукою умертвилъ Барда

Рейля на берегу Тевіота, гдѣ еще донынѣ бѣлый тернъ цвѣтетъ на могилѣ соперника. Ахъ! надобно ли, чтобы руки, изящнымъ искусствамъ посвященныя, обагрялись кровью?

35.

Но долженъ ли я идти въ слѣдъ за такимъ наставникомъ, долженъ ли возвѣстить, какъ дщери Узенама отчаянныя рвали на себѣ волосы, когда онъ умеръ, какъ ломали руки свои, вспоминая о Бардѣ? Погибъ онъ; ученики его одинъ за другимъ скрылись во мракѣ холодной и безмолвной могилы! Мнѣ суждено пережить ихъ и оплакивать утрату временъ минувшихъ, оплакивать то, что уже не слышу голосовъ ихъ, возбуждавшихъ во мнѣ охоту къ пѣснопѣнію! Ахъ! потерявши братій своихъ, соперниковъ, я утратилъ отвагу свою, и угасъ во мнѣ жаръ соревнованія.

Бардъ умолкъ. Внимательныя дамы рукоплескали, брали участіе въ дви-

женіяхъ его сердца, ободряли его сладостными словами. Герцогиня не могла надивиться, какъ возобновляется въ памяти его все минувшее, какъ умѣетъ онъ воспѣвать столь давнія происшествія и забытые споры, которыхъ ни слѣдовъ уже не осталось; какъ знаетъ онъ лѣса давно уже истребленные, башни сдѣлавшіяся убѣжищемъ звѣрей дикихъ, обычаи уже никому неизвѣстные, вождей столь давно уже почивающихъ въ могилѣ, сихъ вождей, коихъ даже имена непостоянная слава изгладила на своихъ скрыжаляхъ, а вѣнецъ, причину раздоровъ ихъ, возложила на главу новаго любимца! Наконецъ немогла надивиться, видя, какъ Бардъ, лѣтами обремененный, вызываетъ Рыцарей изъ гробовъ ихъ, и какъ возвращаетъ имъ жизнь въ своихъ пѣсняхъ!

Бардъ вздохнулъ отъ радости, слыша хвалу себѣ, ибо ласкательство всегда любезно слуху поетовъ. Существа простодушныя и легковѣрныя!

они жертвуютъ всею жизнію своей, лишь бы приобрѣсти улыбку! Если же вѣкъ ослабитъ жаръ въ нихъ; одно сладостное дуновеніе ласкательства удобно раздутъ прежній пламень. Хвала возбуждаетъ въ нихъ погасающее воображеніе, и оно съ послѣднимъ усиліемъ еще старается украсить произведеніе своей Музы.

Вотъ почему старецъ улыбался отъ радости. Потомъ началъ онъ далѣе воспѣвать войну пограничную.

Пѣснь пятая.

1.

Нестанемъ прекословить людямъ, которые говорятъ, что по кончинѣ поэта вся Природа оплакиваетъ своего чтителя и совершаетъ надъ нимъ обрядъ погребенія. Стонутъ нависшіе утесы, стонутъ уединенныя пещеры по смерти Барда; болѣзненно рыдаютъ горы, изливая источники воды прозрачной, и цвѣты слезами являютъ томительную скорбь свою. Вѣтры

вздыхаютъ въ дубравахъ, которыя избиралъ онъ для своихъ прогулокъ, и древніе дубы отвѣтствуютъ имъ глухимъ стономъ; потоки велятъ водамъ своимъ журчать надгробныя пѣсни близь его могилы.

2.

И дѣйствительно! Дубравы, потоки, вѣтры неносятъ развѣ на себѣ и слезъ и жалобныхъ стоновъ тѣхъ, кои были воспѣваемы поэтомъ, и коихъ духи еще блуждаютъ въ мѣстахъ прежняго ихъ жилища? Печальная тѣнь дѣвы горестно сѣтуетъ, что любовь истинная неоставляетъ по себѣ никакого слѣда въ памяти человѣческой — и колеблетъ кустъ розы, съ котораго листья слетаютъ на могилу Барда. Грозная тѣнь рыцаря плачетъ на полѣ ратномъ, плачетъ и жалѣетъ, что умолкъ уже голосъ, воспѣвавшій побѣды; летитъ она съ облакомъ, тянущимся наравнѣ съ холмами, летитъ, издавая стоны надъ полемъ сраженій. Вождь, коего имя дол-

го жилобы въ пѣсняхъ военныхъ, съ хребта горъ, со мглистаго своего трона, взираетъ на прахъ свой, смѣшанный съ прахомъ простолюдиновъ, бывшихъ нѣкогда подъ его верховнымъ начальствомъ. Видитъ онъ исчезающее свое могущество, видитъ угасающую память; стонетъ въ мрачной пещерѣ, близь падающаго потока, и льетъ слезы неутомимой скорби. Всѣ жалѣютъ о безмолвной арфѣ пѣснопѣвца, всѣ болѣзненно оплакиваютъ будущую свою безвѣстность и неизбѣжное забвеніе.

3.

Только лишь согласились о перемиріи, какъ вдругъ со стѣнъ Бранксома усмотрѣно вдали движущееся войско. Облака пыли поднимались къ небу, и уже слышанъ былъ конскій топотъ. Вотъ и блескъ копій, подобно молніи, сверкаетъ надъ темною ратью, и осажденные громкими воплями предвѣщаютъ дружескую помощь. Долженъ ли сказать я, что Миддель-Мерчь выставилъ оную силу? Образъ окровавлен-

наго сердца развѣвался надъ послѣднею стражей и означалъ собою, что войско сіе принадлежитъ грозному Дугласу. Долженъ ли я прибавить, что мощные кони Веддербурна рыли землю быстрыми копытами своими подъ хоругвію съ седмью мечами, и что Свинтонъ потрясалъ тѣмъ копіемъ знаменитымъ, передъ которымъ смирился Плантаженетъ высокомѣрный? Умолчу о дружинахъ многолюдныхъ, Ламмерморомъ, Мерсомъ и Гепбрупомъ посланныхъ съ береговъ Твида, движущихся подъ предводительствомъ Дунбара и съ его знаменами. Идущія толпы громко восклицаютъ военное свое слово: „Защитимъ наши пороги! защитимъ наши пороги!"

5.

Послы выходятъ изъ Бранксома съ привѣтствіемъ и благодареніями къ вождямъ дружественнымъ; изъявляютъ имъ признательность за скорую и сильную помощь; доносятъ о поста-

новленномъ перемиріи и о будущемъ поединкѣ между двумя знаменитыми вождями; предлагаютъ угощеніе въ Бранксомскомъ замкѣ. Такое же гостепріимство предлагается и вождямъ Англійскимъ. Преклонныхъ лѣтъ Маршалъ, выѣхавшій на конѣ, самъ проситъ начальствующихъ воителей силъ вражескихъ посѣтить осажденный за́мокъ, обѣщавая имъ приемъ дружелюбный. Говардъ, равно знаемый по благородному нраву своему какъ и по мужеству отличному, соглашается на приглашеніе; угрюмый Дакръ отвергаетъ оное. »Для меня пріятнѣе отдохнуть подъ своимъ наметомъ.« Таковъ былъ отвѣтъ Дакра.

6.

Спро́сите меня, быть можетъ, милостивыя государыни: отъ чего между войсками непроизошло сраженія? какъ могли вожди сохранить перемиріе между воинами, исполненными враждебныхъ воспоминаній, горящихъ желаніемъ битвы, дышущихъ ненавистью и

мщеніемъ, предъ лицемъ неприятелей кровожадныхъ? - - - Оба войска сблизились безъ угрозъ и безъ гнѣва; смѣшалися между собою на берегахъ Твида, какъ будто братья въ краю вражескомъ. Усѣлись миролюбно одинъ близъ другаго; цвѣты одеждъ и знамена пестрѣлись въ безпорядкѣ. Рука въ желѣзной перчаткѣ, покинувъ дротикъ, пожимала руку сосѣда, который въ свою очередь, приподнимая шлемъ, отвѣтствовалъ поздравленіемъ. Взоръ каждаго сіялъ веселіемъ: пили изъ одного кубка, играли въ кости, вынимали жеребьи, пѣли съ кликами радости; воланъ, тамъ и здѣсь бросаемый, затруднялъ быстроногихъ въ избранной ими забавѣ.

7.

Но еслибъ среди сего мира и веселія, еслибъ внезапно раздался грозный кликъ брани; тогда руки, нынѣ являющія любовь братскую, мгновенно обагрились бы кровію на поляхъ Твидскихъ; восклицанія радости пре-

мѣнились бы въ военные вопли и стоны; сей мечь, разсѣкающій нынѣ яствы, которыми воины угощаютъ одинъ другаго, искалъ бы тогда непріятельскаго сердца. Столь быстрые переходы отъ перемирія къ битвѣ бывали нерѣдки въ оныя времена безпорядковъ и несогласій. Но подъ стѣнами Бранксома ничто ненарушало спокойствія въ обоихъ войскахъ, и солнце, привѣтствуя храбрыхъ послѣднимъ лучемъ своимъ, оставило ихъ друзьями.

8.

День гаснетъ, но веселіе продолжается. Рѣзьба длинныхъ переходовъ, раздѣляемая столбами, далеко отражаетъ свѣтъ пылающихъ факеловъ. Въ залахъ голоса́ арфъ и роговъ мѣшаются между собою; въ полѣ призывные свисты, военные крики и восклицанія раздаются по окрестностямъ: ими желаютъ собрать разсѣянныхъ воиновъ. Имена Дакра, Дугласа провозглашаются при послѣднихъ кубкахъ за ихъ здоровье.

9.

Говоръ веселія утихаетъ часъ отъ часу и совсѣмъ прекращается; слышно только движеніе водъ Тевіота, біющихъ утесы: шумъ ихъ прерывается только лишь окликами стражи и ударами сѣкиръ въ отдаленной дубравѣ, гдѣ низлагаются деревья, потребныя на ограду для поединка.

10.

Маргарита, опечаленная взглядомъ Владѣтельницы за́мка, показавшимся ей укоризной, оставила пиршество и возвратилась въ свой теремъ. По видимому, она необращала вниманія къ тайнымъ вздохамъ рыцарей благородныхъ, питавшихъ въ себѣ гордую надежду овладѣть цвѣтомъ Тевіота. Сильныя движенія сердца и шумныя мысли прервали сонъ красавицы. Передъ утренней зарею, когда оба войска еще наслаждались покоемъ, она уже бодрствовала.

11.

Окинула взоромъ дворъ за́мка, гдѣ вчера еще бодрые кони, жаждущіе сраженій, вспинались на дыбы и нетерпѣливо рыли землю копытомъ. Все было тихо, какъ смерть, все молчало. Длинная тѣнь отъ башни закрывала оное угрюмое мѣсто. Но кто сей Рыцарь, высокій ростомъ? Идетъ онъ гордо, размѣренной стопою, и звукъ его оружія раздается между стѣнами; перо развѣвается на его шлемѣ; онъ смотритъ къ верху. . . О Небо! Кранстонъ ли дерзнулъ явиться въ мѣстахъ сихъ? И съ какою твердостію онъ ступаетъ въ непріятельскомъ за́мкѣ! . . Красавица не смѣетъ подать знака, не смѣетъ назвать его; ибо, если проснется хоть одинъ конюшій, Кранстонъ погибнетъ! Всѣ блестящія драгоцѣнности Королевы Маріи, ни даже слезы Маргариты, и самыхъ клейнодовъ драгоцѣннѣйшія, тогда не спасли бы ему жизни.

12.

Но Кранстонъ никогда не страшился опасностей. Волшебный уродецъ, вѣрно служившій господину, прибѣгнувъ къ своему искусству, обложилъ его внѣшностію рыцаря союзнаго. Стража и привратники замка впустили его безъ всякаго затрудненія. Обольстивъ глаза другихъ, могъ ли онъ своимъ чародѣйствомъ затмить зоркія очи любящей красавицы? Трепещетъ она отъ изумленія и боязни; но любовь подавила всѣ чувства сердца, когда Маргарита у ногъ своихъ увидѣла Кранстона.

13.

Не разъ вопрошалъ я самъ себя: для какой причины злоковарный карло приготовилъ средства къ сему свиданію? Счастіе любовниковъ не могло нравиться душѣ злой и подлой. Могло статься, что страсть обоихъ имѣла бы для нихъ вредныя слѣдствія; могло статься, что Кранстонъ здѣсь нашелъ бы свою гибель, а

Маргарита утратилабы свое доброе имя! Но ожидать ли подобныхъ опасеній благороднаго состраданія отъ злаго, подлаго сердца? . . . Оставимъ Рыцаря и Маргариту; станемъ говорить о наступающемъ поединкѣ.

14.

Звучатъ трубы; пронзительные рога играютъ военную пѣсню; воины горъ и равнинъ спѣшатъ видѣть смертельный поединокъ. Толпы сбираются около ограды, и движущіеся дротики представляютъ собою подобіе безчисленныхъ елей, гнущихся въ лѣсу Етрикскомъ. Взоры обращены къ стѣнамъ Бранксома; всѣ изъявляютъ нетерпѣніе свое ропотнымъ шумомъ.

15.

Между тѣмъ Госпожа за́мка была занята выборомъ весьма затруднительнымъ. Гарденъ и Тирлестанъ оба равно желали сразиться, оба съ равнымъ жаромъ доказывали права свои и угрожали одинъ другому; какъ вдругъ Рыцарь, котораго почитали неспо-

собнымъ при его немощи выступить противъ соперника, самъ приходитъ, съ ногъ до головы вооруженный; несоглашается онъ, чтобъ иной кто-либо исполнилъ его должность въ дѣлѣ чести. Упомянутые рыцари предлагаютъ себя въ свидѣтели поединка, и Госпожа за́мка благодаритъ волшебному своему искусству, которое въ столь непродолжительное время возвратило Делореню прежнее здоровье.

16.

Она сѣла на коня въ богатой збруѣ, и тихо ѣдетъ къ мѣсту сраженія. Благородный Говардъ почтительно сопутствуетъ ей рядомъ, держа одинъ поводъ ея верховой лошади. Съ дворскимъ учтивствомъ ведутъ они бесѣду о прежнихъ дѣлахъ военныхъ.

17.

За нею медленно слѣдуетъ Маргарита на конѣ, гордящемся своею ношей. Искусственные сгибы небрежно накинутой одежды, колеблясь, измѣ-

няютъ цвѣтъ свой съ каждою стопою животнаго; бѣлый покровъ волнуется на раменахъ всадницы; бѣло-розовый вѣнокъ окружилъ легкія сплетенія волосъ ея. Съ нею рядомъ ѣдетъ Лордъ Ангусъ, безъ коего помощи слабая рука Маргариты не могла бы удержать коня ретиваго. По всему видно, что она страшится зрѣлища смертельнаго боя; но никому невѣдома истинная причина біенія сердца въ дѣвической груди красавицы.

18.

Англійскій рыцарь выводитъ къ зрителямъ юнаго заложника, будущую награду побѣдителя. Младенецъ едва помнитъ себя отъ пламеннаго нетерпѣнія видѣть поединокъ. Два Маршала, Лорды Дакръ и Гоме, въѣзжаютъ въ ограду съ поднятыми вверхъ желѣзными жезлами — знаками ихъ достоинства; они заботливо уравниваютъ выгоды вѣтра и солнца для обоихъ соперниковъ. Герольды же громкимъ угрожающимъ голосомъ, подъ смерт-

ною казнію, всякому запрещають помогать имъ *знакомъ* или *словомъ*.

19.

Глашатай Англійскаго войска.

„Выступаетъ Ричардъ Музгравъ, „храбрый, истинный Рыцарь знаменитаго рода. Онъ желаетъ, чтобы Вильгельмъ Делорень оправдался въ дерзновенномъ своемъ злорѣчіи; объявляетъ его измѣнникомъ, клеветникомъ, „и готовъ сіе подтвердить своимъ „оружіемъ. Богъ да поможетъ ему въ „правомъ дѣлѣ!«

20.

Глашатай Шотландскаго войска.

„Выступаетъ Вильгельмъ Делорень, храбрый, истинный Рыцарь знаменитаго рода. Онъ объявляетъ, что никакая измѣна непосрамила меча его. Съ помощію Божіей готовъ онъ доказать оружіемъ, что Ричардъ Музгравъ произнесъ клевету, постыдную и гнусную.«

Лордъ Дакръ.

„Впередъ, храбрые Рыцари!“

Лордъ Гоме.

„Богъ да будетъ помощникомъ тому, кто защищаетъ правое дѣло!“

И покатились отголоски по долинамъ Тевіота при данномъ знакѣ звучными трубами. Рыцари летятъ одинъ къ другому и сражаются среди ограды.

21.

Чувствую и понимаю, что ужасныя подробности смертельнаго поединка оскорбили бы нѣжность вашего слуха. Дерзну ли изобразить отчаянную лютость, наносящую стократные удары по звонкимъ шлемамъ! дерзну ли говорить о крови ліющейся, обагряющей оружіе въ бою продолжительномъ и ужасномъ! Ахъ, милостивыя государыни! еслибъ каждая изъ васъ была воиномъ; тогда могъ бы я описывать сраженіе смертельное. Видалъ я вблизи военный пламень, видалъ удары мечей о копья, видалъ ко-

ней въ потокахъ крови: и взирая на сіи зрѣлища, былъ равнодушенъ къ смерти и жизни!

22.

Свершилось, свершилось! ему суждено было погибнуть отъ руки соперника!... Еще усиливается поднять себя... Тщетно. Музгравъ неустрашимый! ты жилъ; теперь уже нѣтъ тебя!.. Хлынувшая кровь удушаетъ Рыцаря... Дружняя рука отдѣляетъ ремни шлема, поднимаетъ забрало, старается возвратить дыханіе.. уже поздно! Утѣшители грѣшника въ послѣднія минуты! спѣшите, спѣшите! угладьте путь ему, ведущій отъ земли къ небу.

23.

Приходитъ монашествующій священникъ; босыя ноги его скользятъ по землѣ окровавленной; онъ останавливается предъ умирающимъ; сострадательный, ревностный исполнитель своего долга, невнемлетъ воплямъ народа, славящаго побѣду; преклоняетъ

колѣна и молится; тихо подъемлетъ Рыцаря и взорамъ его представляетъ святый знакъ искупленія; утѣшаетъ его, славя милосердіе Бога; сближаетъ внимательное ухо свое съ устами Рыцаря, дабы услышать голосъ кающагося грѣшника. Поздно! уже чужды ему словеса утѣшенія и надежды. Ричардъ Музгравъ уже бездыханенъ.

24.

Между тѣмъ побѣдитель неколебимо взиралъ на сіе позорище смерти, казался нечувствительнымъ къ воплямъ торжественнымъ, къ привѣтствіямъ друзей своихъ, которые окружали его, предлагали ему свои объятія; какъ вдругъ неожиданный и ужасный крикъ разносится между толпами Шотландцевъ. Народъ раздѣляется на двѣ половины, даетъ просторъ одному человѣку. Человѣкъ сей, полуобнаженный, испуганный, блѣдный, бѣжитъ изъ зáмка, перепрыгиваетъ ограду поединка, и все кругомъ окидываетъ изумленнымъ взоромъ. Каждой узналъ въ немъ Виль-

гельма Делореня. Дамы вскрикнули отъ страха и встали съ мѣстъ своихъ. Маршалы поединка сходятъ съ коней, и вопрошаютъ: кто одержалъ побѣду? Снимаютъ шлемъ съ витязя.. Ахъ! сей побѣдитель есть Рыцарь Кранстонъ съ береговъ Тевюта! Поспѣшно беретъ онъ руку младенца, и представляетъ его Госпожѣ Бранксома, восклицая: »Вотъ награда, для которой я сражался!«

25.

Владѣтельница принимаетъ младенца, съ материнскою нѣжностію жметъ его въ своихъ объятіяхъ; слезами, лобзаніями покрываетъ лице его. Она скрѣпила себя во время боя, и казалась спокойною, хотя каждой ударъ наносимой отзывался въ ея сердцѣ. Но Госпожа за́мка ниже́ привѣтствіемъ неудостоила Лорда Кранстона, преклонившаго передъ нею свое колѣно. Умолчу, какими словами Дугласъ, Гомъ и Говардъ старалися смягчить гнѣвъ ея; Говардъ былъ

великодушенъ и въ самой ненависти. Не буду говорить, какъ всѣ подданные совокупно просили Госпожу Бранксомскую отложить гнѣвъ свой, удовлетворить желанію Кранстона, и отдать ему цвѣтъ Тевіота.

26.

Взглянула на рѣку, вознесла взоръ къ небу, вспомнила о предреченіи Духа, потомъ, прервавъ молчаніе, торжественнымъ голосомъ сказала: „Не ты побѣдилъ, Кранстонъ; побѣдило предназначеніе! Да распространятъ звѣзды счастливое вліяніе свое надъ водами Тевіота и надъ вежами Бранксома; гордыня смирилась и любовь свободна!“ Беретъ она руку трепещущей Маргариты, и отдавая Кранстону, продолжаетъ: „Какъ буду я вѣрною тебѣ и твоимъ, такъ ты будь вѣренъ мнѣ и моимъ ближнимъ. Прими свою невѣсту. Связующій васъ узелъ да будетъ вмѣстѣ союзомъ дружбы между твоимъ и моимъ родомъ. Всѣ окружающіе меня вожди и рыцари да

почтутъ своимъ присутствіемъ пиршество брачное.«

27.

Удаляясь обратно съ поля битвы, она повелѣваетъ разсказать себѣ подробности о встрѣчѣ Кранстона съ Рыцаремъ Делоренемъ; желаетъ знать, какимъ способомъ пажъ досталъ книгу таинственную; какъ самъ Кранстонъ пробрался въ за́мокъ; какъ получилъ вооруженіе Делореня, которое похитилъ пажъ во время сна Рыцаря; какъ наконецъ прибылъ къ мѣсту поединка, чтобы приобрѣсти себѣ цвѣтъ Тевіота. Но Кранстонъ на все отвѣтствовалъ немногими словами: онъ спѣшилъ насладиться уединенной бесѣдой съ возлюбленною Маргаритою.

Госпожа за́мка рѣшилась неприбѣгать къ средствамъ таинственнаго искусства даже до наступленія ночи; но въ самую полночь она успѣла смирить гордыню карла, взять обратно

чародѣйскую книгу и отправить ее ко гробу Михаила.

Долженъ ли повѣствовать я о нѣжномъ разговорѣ между рыцаремъ и невѣстою? Долженъ ли описывать, какъ изъявляла она свою надежду и свои опасенія, какъ болѣзненно сердце ея билось при смертельномъ поединкѣ? Нѣтъ, милостивыя государыни! не стану повторять оныхъ словъ любви и довѣренности; вы сами угадаете ихъ лучше, нежели какъ бы я могъ разсказать вамъ.

28.

Пробудившійся Делорень узналъ, что его вооруженіе покрываетъ незнакомаго Рыцаря, который за него сражался. Пустился онъ къ мѣсту боя, гдѣ воины устрашенные сочли его духомъ, явившимся съ другаго свѣта; приспѣлъ увидѣть смерть Музграва, и съ завистію смотрѣлъ на Крансiона, которой похитилъ у него торжество побѣды. Но любя подвиги рыцарскіе, онъ непиталъ въ себѣ

ни вражды, ни злости. Вперивши взоры свои въ трупъ Музграва, наморщилъ чело, склонилъ голову и такъ оплакалъ Рыцаря:

29.

„Лежишь во прахѣ, черный Музгравъ, о ты, смертельный врагъ мой! Я умертвилъ твоего брата; но дѣти сестры моей пали отъ твоихъ ударовъ. Постигнутый ненавистью, многіе мѣсяцы стоналъ я въ темницахъ Наворта, пока не присланъ былъ выкупъ за мою свободу. Ахъ! еслибъ могъ ты возвратиться къ жизни; тогда мы сразились бы въ оградѣ поединка, и никакая сила человѣческая не развела бы насъ, пока ты или я не палъ бы навѣки. Теперь да будетъ Богъ къ тебѣ милосердымъ! Въ цѣлой округѣ, гдѣ *удило*, *шпора* и *копье метательное* служатъ вмѣстѣ и военною сбруей и отзывомъ на окликъ, ты былъ славнѣйшимъ изъ звѣролововъ. Радостно смотрѣть было, какъ ты ободрялъ борзыхъ псовъ своихъ, когда разноси-

лись трубные звуки по дубравѣ. Нынѣ же отдалъ бы все владѣніе мое Делорень, еслибъ кто оживилъ черняго Музграва.«

30.

Онъ кончилъ, и войско Лорда Дакра приближилось къ тѣлу Рыцаря. Поднимаютъ его и кладутъ на щитъ, кровію очервлененный. Четыре воина попеременно держатъ его на дротикахъ. Предшествуютъ Барды; жалобное пѣніе ихъ то становится громче, то слабѣетъ, уносимое зефирами. За тѣломъ шествуютъ Священники въ черной одеждѣ, и церковнымъ стихомъ *Упокой душу* (*) отвѣтствуютъ на унылое пѣніе Бардовъ. Конные идутъ медленно; пѣшіе склонили къ землѣ свои дротики. Печальное шествіе переходитъ *Лиддесдаль*, Левенъ и достигаетъ высокаго зáмка Колтрама. Здѣсь положили Рыцаря въ могилѣ предковъ.

(*) Requiem.

Утихъ голосъ Барда, но еще слышны были звуки его арфы. Ею выражалъ онъ печальное пѣніе и Бардовъ и Священниковъ. То поражается ухо силою звуковъ; то звуки сіи слышатся какъ бы вдали, потомъ исчезаютъ. Ехо повторяетъ ихъ, но отголоски слабѣютъ на долинѣ. По очереди раздаются пѣсни Священниковъ, Бардовъ, и вѣтры то усиливаютъ, то утишаютъ голоса поющихъ. Наконецъ полные и звучные аккорды подражаютъ цѣлому хору, который становится величественнѣе, торжественнѣе подъ сводами храма: все сіе живо представляетъ очарованному воображенію гробъ Рыцаря, опускаемый въ могилу, которая немедленно закрывается надъ покойникомъ.

Настало глубокое молчаніе. Потомъ слушательницы вопрошали стараго Барда, отъ чего, обладая такимъ обворожительнымъ искусствомъ, принужденъ онъ блуждать по странѣ неблагодарной, когда края полуден-

ные конечно осыпали бы талантъ его щедрыми наградами.

Арфа была единственною подругой Барда въ здѣшнемъ мірѣ. Однакожъ неприятно ему было слышать, что самаго его почти болѣе хвалятъ, нежели Поезію. Не нравилось ему также укоризненное слово противу страны отечественной.

Съ новою силой пробудилась въ немъ любовь къ отечеству, и въ новой пѣсни началъ онъ славить родимую свою землю.

Пѣснь шестая.

I.

Есть ли въ мірѣ смертный, который бы не чувствовалъ въ себѣ любви къ отечеству; который, по долговременномъ отсутствіи, не пламенѣлъ бы желаніемъ возвратиться къ домашнимъ порогамъ? Если же существуетъ человѣкъ такой, ахъ, ни-

когда не будетъ онъ ни предметомъ хвалы, ни предметомъ пѣсней поета! Можетъ онъ быть высокаго сана, можетъ обладать великимъ сокровищемъ; но ни санъ, ни золото несохранятъ его славы. Снова падетъ онъ въ прахъ ничтожный, изъ котораго нѣкогда вышелъ. Ни чья слеза не оросишъ его могилы; ни пѣсни жалобныя, ни похвальныя не отзовутся при его погребеніи.

2.

О земля Каледонская, суровая и дикая воспитательница истинныхъ поетовъ! отечество угрюмыхъ скалъ и дубравъ обширныхъ! страна горъ и потоковъ! земля отцевъ моихъ! какого смертнаго рука возможетъ расторгнуть узы, связующія меня съ утесистыми твоими берегами? Чѣмъ далѣе утекло время, тѣмъ оно живѣе въ моей памяти; и когда сравниваю дѣла давно минувшія съ новыми, кажется мнѣ, что уже ничего на землѣ для меня не осталось, и что изъ всѣхъ друзей, ве-

сны лѣтъ моихъ только лишь ручьи твои и дубравы пребыли мнѣ вѣрными донынѣ. Вотъ почему они милы мнѣ, вотъ почему и въ несчастной долѣ еще люблю ихъ! Съ веселымъ сердцемъ блуждаю по берегамъ пустыннымъ пѣнистаго Ярова. Покрытое морщинами лице мое радуется льдистымъ дуновеніемъ вѣтра, исчезающаго въ долинѣ Етрикской, и убѣленная голова моя еще находитъ сладкимъ отдыхъ на мѣлкихъ камняхъ Тевіотскаго берега — тамъ, гдѣ знаю себя отъ всѣхъ забытымъ, гдѣ могу спокойно вздохнуть въ послѣдній разъ въ мірѣ.

3.

Не были, подобно мнѣ, презираемы Барды, которые со всѣхъ сторонъ стекались на пиршество въ за́мокъ Бранксомскій. Во множествѣ приходили туда оные жрецы веселія и подвиговъ ратныхъ, всегда готовые и спѣшить къ битвамъ и возсѣдать за пиршественною трапезой. Вчера еще военными пѣснями услаждали они слухъ

передовой стражи храбраго воинства; нынѣ имъ же отворяются врата за́мка. Звучатъ рога и арфы; поютъ, скачутъ, веселятся, и толстыя стѣны за̀мка трясутся отъ сихъ радостныхъ движеній.

4.

Не буду описывать великолѣпія брачнаго пиршества, ни убранства женъ и дѣвъ юныхъ, Рыцарей и конюшихъ; не буду изображать богатыхъ мантій, драгоцѣнныхъ одеждъ и блестящихъ клейнодовъ, коими украшались волосы дѣвицъ прелестныхъ; не буду говорить, какъ развѣвались перья вблизи престола во храмѣ, какъ шпоры и тонкія цѣпи звучали на мраморномъ помостѣ. Ахъ! всего менѣе дерзну изображать нѣкоторыя черты мгновенныя, нѣкоторыя нѣжныя оттѣнки, кои являются, измѣняются, исчезаютъ, снова являются на лицѣ Маргариты соотвѣтственно движеніямъ сердца: ощущенія блаженства,

страха, стыдливости то раждались въ немъ, то исчезали.

5.

Утверждаютъ нѣкоторые Барды, будто Госпожа не смѣла приближаться ни къ олтарямъ, ни къ притвору; будто не присутствовала даже при совершеніи священнаго обряда: до такой степени страшною будто бы казалась ей церковь. Клевета! Я увѣренъ, что она никогда неотваживалась на заклинанія безбожныя. Знаю, что въ планетные часы нѣкоторыя слова имѣютъ безпредѣльную власть надъ злыми духами; незащищаю и тѣхъ, которые предаются оному опасному искусству; но смѣло утверждаю, что Госпожа стояла близъ олтаря, въ черной одеждѣ, съ багряною на головѣ повязкой, украшенною горностаемъ и алмазами.

6.

По совершеніи брачнаго обряда, солнце было уже на срединѣ пути дневнаго, и въ залѣ замка пышная

трапеза ожидала посѣтителей. Чашник и конюшіе назначают мѣста каждому гостю. Пажи, вооруженные длинными ножами, кроят на части разное мясо; ибо Священник благословил уже огромную, богато украшенную голову вепря, равно как павлина Королевскаго, лебедя с пруда Св. Маріи, цаплю, кролика, домашнюю птицу, жирную дичину, вкусное мясо оленя и ягненка. Вдруг начался громкій говор свадебнаго пира внутри и внѣ зданія, на дворѣ и на переходах, гдѣ сверх того еще гремѣли трубы и раздавались пѣсни. Старые воители стучались кубками, опорожняли их за одним разом. Бесѣды, смѣхи становились час от часу громче. Младшіе рыцари говорили шопотом на ухо дамам, и дамы отвѣчали им улыбкою. Соколы обрызганные, сидя на жердях, время от времени издавали пронзительные звуки среди всеобщаго шума; били крыльями, вытягивали снурки свои, как бы

приготовляясь отвѣтствовать на голоса псовъ и оленей. Фляги съ виномъ Бордосскимъ, Орлеанскимъ, Рейнскимъ быстро оканчивали кругъ своего движенія. Подносители ревностно исполняютъ свою должность; все веселится въ замкѣ.

7.

Между тѣмъ пажъ чародѣйскій, никогда неупускающій случая вредить всякому, нашелъ удобную минуту возбудить ссору. Конрадъ фонъ Волфенштеинъ, дикій отъ природы, разгорячился еще отъ паровъ винныхъ. Раздраженъ онъ былъ утратою нѣкотораго числа коней, неоказавшихся въ его войскѣ. Жаловался на непріятность; ему отвѣтствовали съ гордостію Сильно разгнѣвавшись, ударилъ онъ перчаткою мощнаго Гунтилла, пылкаго воителя, котораго прозвали словомъ: *къ оружію!* Конрадъ, положась на извѣтъ пажа, утверждалъ и доказывалъ, что Гунтиллъ участвовалъ въ похищеніи коней его.

Говардъ, Гомъ и Дугласъ вдругъ встаютъ съ мѣстъ своихъ, чтобы предотвратить замѣшательство пированія. Яростный Гунтиллъ молчитъ; но молча, трясетъ головою и грызетъ перчатку. Спустя потомъ два мѣсяца, стражъ великой дубравы нашелъ въ лѣсу трупъ Конрада, свѣжими ранами покрытый, и гласитъ молва, что съ той поры Гунтиллъ носилъ оружіе Германское.

8.

Опасаясь, чтобы господинъ не замѣтилъ коварныхъ дѣйствій, карло отправился въ комнаты служителей, гдѣ стражи и поселяне шумно праздновали торжество брака. Тамъ Тинлинъ съ кубкомъ въ рукѣ громогласно желаетъ долголѣтняго здравія Артуру, который въ свою очередь относится къ людямъ Говарда съ прозьбою, чтобы они пили. Роландъ Багряный приказываетъ наполнить кубки и съ должнымъ усердіемъ выпить за здравіе благородной владѣтельницы замка.

При каждомъ вызовѣ опорожняются и наполняются дымящіеся жбаны пива, и всѣ воины единодушно свидѣтельствуютъ, что съ того самаго времени, какъ пойманный сѣтями звѣрь далъ родовое имя первому *Буклейгу*, съ того времени еще небывало столь веселаго и столь роскошнаго пированія.

9.

Мстительный карло, который очень твердо помнилъ лукъ Тинлиновъ, поклялся, что Рыцарь дорого заплатитъ за нанесенную ему рану. И вотъ начинаетъ онъ говорить къ неустрашимому звѣролову; произноситъ къ нему слова насмѣшливыя и досадительныя; напоминаетъ, какъ убѣжалъ онъ съ поля битвы при Солваѣ, и съ какимъ усердіемъ Армстронгъ угождалъ его супругѣ. Прыгаетъ около Тинлина, увертывается отъ страшной его ладони, всячески его раздражаетъ: то схватитъ у него съ тарѣлки самую любимую яству, то отведетъ ото рта его кружку пѣнистаго пива,

«що наконецъ, продравшись подъ столъ, колетъ его ядовитою булавкой, отъ уязвленія коею рана заживаетъ не скоро. Рыцарь вскакиваетъ, роняетъ столъ со всею посудой, клянетъ, угрожаетъ; всѣ смѣются, все въ безпорядкѣ. Потомъ злоковарное чудовище убѣгаетъ въ залу пирующихъ; прячется въ темномъ уголкѣ, дѣлаетъ странныя кривлянья и повторяетъ себѣ тихимъ голосомъ: »Погибло, погибло, погибло!«

10.

Госпожа зáмка, опасаясь, чтобы не начались важныя ссоры, не прекратилось бы пированіе, велѣла Бардамъ настроить арфы и готовиться къ состязанію пѣснями. Албертъ Гремъ выступаетъ первый. Никто не могъ превзойти его въ пѣніи; но люди его принадлежали къ числу тѣхъ, которые жили грабительствомъ, не щадя ни Англійской земли, ни Шотландской.

11.

Албертъ Гремъ.

„Была прекрасная Англичанка. Въ полномъ блескѣ солнце сіяетъ въ Карлейлѣ! И та Англичанка хотѣла выдти за одного Шотландскаго владѣльца: ибо любовь всему даетъ законы!

„Радостно встрѣтили восходящее солнце въ Карлейлѣ; оно сіяетъ тамъ въ полномъ блескѣ! Но передъ концемъ дня всѣ были печальны: ибо любовь всему даетъ законы!

„Отецъ даритъ алмазную повязку. (Въ полномъ блескѣ солнце сіяетъ въ Карлейлѣ!) Братъ же даритъ флягу вина, вопреки тому, что любовь всему даетъ законы.

„Красавица имѣла поля и лѣса близь Карлейля, гдѣ солнце въ полномъ блескѣ сіяетъ; Англичанинъ же присягнулъ скорѣе умертвить ее, нежели видѣть за рыцаремъ Шотландскимъ, по закону одной любви, которая всему даетъ законы.

12.

„Лишь только вина отвѣдала (въ полномъ блескѣ солнце сіяетъ въ Карлейлѣ), и вдругъ упала мертвая на руки любезнаго: ибо любовь была ея закономъ.

„Онъ отмстилъ, пронзивъ сердце жестокаго брата, когда солнце сіяло надъ стѣнами Карлейля. Такъ да погибнутъ всѣ, разлучающіе любовниковъ, да погибнутъ они, а любовь пускай всему даетъ законы!

„Пошелъ онъ къ дружинѣ крестоносцевъ (въ полномъ блескѣ солнце сіяло въ Карлейлѣ), и погибъ для нее въ Палестинѣ. Такъ, любовь всему даетъ законы!

„О вѣрные чтители любви постоянной! (въ полномъ блескѣ солнце сіяетъ въ Карлейлѣ!) вы молитесь за тѣхъ, кои отъ любви погибли; ибо всегда и всему она будетъ давать законы.“

13.

Такъ кончилась простая пѣсня Алберта Грема. Потомъ всталъ пѣвецъ, при дворѣ Генриха Гаварда знаменитый своимъ искусствомъ. Тамъ-то пѣсни Фицтравера, тамъ сребро-струнная арфа стяжала ему единственную славу. Самъ нѣжный Суррей любилъ его игру и пѣсни. А кто не знаетъ славы Суррея? Суррея, которой имѣлъ душу рыцаря и геній поэта! Суррея, которой имѣлъ сердце истиннаго рыцаря и любовника!

14.

Вмѣстѣ бродили они по лугамъ и полямъ отдаленнымъ; часто вечерней порою, сокрывшись въ кустахъ оливковыхъ, воспѣвали отсутствующую любимицу Суррееву; прислушивались къ нимъ сельскіе жители, думая, что духи съ высоты поднебесной пѣли надъ гробомъ кого-либо изъ святыхъ отшельниковъ. Такъ были сладостны совокупные голоса ихъ и струны, когда славили они Геральдину.

15.

Кто могъ бы описать горесть твою, о Бардъ неизмѣнный въ дружбѣ, когда лютый Тудоръ произнесъ приговоръ смерти Суррею, коего пѣсни вовѣки не погибнутъ! Смѣлая твоя арфа, не внимательная къ злобѣ тирана, навлекла на себя гнѣвъ его страшный. Оставилъ ты мураву зеленую и убѣжища Виндзорскія, оставилъ чтобы, соединивъ судьбу свою съ Лордомъ Говардомъ, обитать близь угрюмыхъ стѣнъ Наворта. Душею преданный избранному патрону, Фицтраверъ послѣдовалъ за нимъ подъ Бранксомъ, и въ свою очередь воспѣлъ такимъ образомъ:

16.

„Былъ вечеръ наканунѣ праздника Всѣхъ Святыхъ. Суррей радовался, и сердце въ немъ трепетало, когда часы пробили двѣнадцать, когда наступила минута, назначенная мудрымъ Корнеліемъ; въ сію минуту должна была явиться ему любезная, всегдашній предметъ его мыслей. Ждетъ онъ;

горитъ желаніемъ видѣть ее, слышать, узнать изъ устъ ея, все ли еще онъ остается виновникомъ сердечныхъ ея движеній.

17.

»Рыцарь, предводимый чародѣемъ, садится въ темной залѣ подъ сводомъ; передъ нимъ зеркало, близь олтаря таинственнаго, на которомъ лежащіе талисманы освѣщаются слабымъ сіяніемъ, какъ одръ умирающаго мерцающимъ лучемъ лампы.

18.

„И вдругъ явившаяся на стеклѣ точка свѣтловатая, какъ бы окруженная облакомъ, начинаетъ увеличиваться, непредставляя глазамъ никакой фигуры; мало по малу части ея образуются, становятся примѣтнѣе и виднѣе, каждая занимаетъ свое мѣсто въ картинѣ, представляющей храмину, великолѣпно убранную. Драгоцѣнныя завѣсы постели освѣщаются дрожащимъ огнемъ лампы; другая часть храмины осребрена лучами пол-

наго мѣсяца; все прочее кажется темнымъ, угрюмымъ.

19.

Трудно описать всѣ красоты уборовъ; но кто изобразитъ красоту почивающей на ложѣ драгоцѣнномъ? Лилейныя перси едва закрыты черными волосами; лице ея блѣдно, видъ задумчивъ; взоръ томный, выражающій грусть сердечную, устремленъ на листокъ изъ слоновой кости, и взоръ сей, кажется, открываетъ въ немъ черты, восхитительныя для ея сердца. То былъ образъ чувствительнаго Суррея, и Геральдина питаетъ имъ свои мысли.

20.

„Облака́ тихо сближаются, окружаютъ волшебную картину, и сладостный призракъ мгновенно исчезаетъ. Такъ и власть завистливая, о незабвенный мой наставникъ! такъ и власть завистливая хотѣла сокрыть славу твою въ мрачныхъ облакахъ безвѣстности. Тиранъ жестокій и за-

вистливый! правосудное Небо да простретъ возмездіе свое даже до послѣднихъ потомковъ твоихъ за твою звѣрскую лютость! Слезы Геральдины, поруганное ложе супружества, кровь Суррея благороднаго еще вопіютъ объ отмщеніи.«

21.

Вожди Шотландскіе и Англійскіе равно хвалили пѣсню Фицтравера; ибо имя Генриха VIII равно имъ было ненавистно. Возстаетъ потомъ Сенъ-Клеръ, пѣвецъ сановитый. Гарольдъ узрѣлъ свѣтъ на островахъ Оркадскихъ, омываемыхъ волнами бурнаго моря, тамъ, гдѣ нѣкогда владѣлъ родъ Сенъ-Клера, и гдѣ зáмокъ, временемъ разрушенный, служитъ нынѣ предметомъ жалобъ Кирквалля, какъ нѣкогда былъ виною его славы. Тамъ часто взиралъ Бардъ на разъяренное море Пентланда, видѣлъ свирѣпыя его движенія, какъ будто бы Одинъ въ часы гнѣва неукротимаго ходилъ по его поверхности; въ оцѣпенѣніи слѣдовалъ взо-

рами за кораблемъ, носимымъ бурными волнами, ибо плывшее въ кораблѣ дитя любезно было воображенію и сердцу Барда.

22.

Сіи дикіе острова богаты преданіями, возбуждающими талантъ поэта. Во времена давнія, Норманны, сыны *Локлина*, возвращаясь изъ дальнихъ военныхъ походовъ, вышли на берега Оркадовъ. Воители грозные обыкли жить грабительствомъ, обыкли готовить вѣрную добычу птицамъ плотояднымъ; господствовали надъ морями, и корабли ихъ подобны были змѣямъ равнинъ водныхъ. Въ долинахъ, гдѣ вѣтры разстилались, предсказатели видѣли тысячи явленій чудесныхъ, и столбамъ Руническимъ приносимы были жертвы идолопоклонства. Тамъ Гарольдъ въ юности своей учился *сагамъ* (*); воспѣвалъ морскаго безмѣрной величины змѣя, которой могъ бы полюсъ сѣвера

(*) Саги — историческія и баснословныя повѣсти Норманновъ.

опоясать собою; воспѣвалъ дщерей моря, коихъ унылымъ воемъ сопровождаются кровавыя битвы; воспѣвалъ вождей безбожныхъ, кои, прельщаясь могильнымъ блескомъ, посягали на святыню умершихъ: вожди сіи у воителей, уже цѣлые вѣки лежащихъ подъ хладнымъ камнемъ, исторгали оружіе, которое рука ихъ еще держала, и хищники такимъ образомъ какъ бы вызывали мертвыхъ сражаться съ собою. Юный Гарольдъ, вдохновенный предметами кровавыми, переселился въ страну Рослина. Тамъ природа смѣющаяся и прекрасная растворила пѣсни его сладостію; но геній Барда удержалъ еще дикія черты свои, и въ пѣсняхъ его представляется нѣчто суровое вмѣстѣ съ красотами чувствованій кроткихъ и нѣжныхъ.

23.

Гарольдъ.

„Внимайте мнѣ, госпожи почтенныя, внимайте! Не битвы грозныя буду воспѣвать вамъ; ахъ, нѣтъ!

смутная пѣснь моя растрогаетъ сердца ваши. Спою вамъ про долю Розабеллы прекрасной.

„Привяжите, привяжите ладію, храбрые мореходцы! Останься, госпожа знаменитая! почивай безопасно въ за́мкѣ Равенсгейхѣ! Неподвергай себя нынѣ бѣдствіямъ на морѣ разъяренномъ.

„Вотъ черныя волны съ бѣлою пѣной! вотъ птицы морскія ищутъ убѣжища въ утесахъ! Рыбаки слышали воднаго духа; онъ издавалъ вопли, предвѣщающіе бурю и крушенія.

„Вѣщій въ ночь минувшую видѣлъ во снѣ мокрую одежду надъ мертвымъ тѣломъ госпожи знаменитой. Останься, о Розабелла! останься въ за́мкѣ! Почто непремѣнно теперь хочешь плыть черезъ море?

„Не за тѣмъ спѣшу я, что владѣтель Линдезея въ нынѣшній вечеръ даетъ пиръ въ Рослинѣ; печальная мать моя, одна въ пустомъ за́мкѣ, грустить по мнѣ и тоскуетъ.

„Не за тѣмъ, что въ Рослинѣ будутъ турниры, и что Линдезей искуснѣе всѣхъ дѣйствуетъ на играхъ рыцарскихъ; но я знаю, что родитель мой непьетъ самаго лучшаго вина, если налито оно не Розабеллой.

„Въ оную ночь ужасную видна была купина огненная съ высокимъ пламенемъ, превосходившимъ огонь военный; блескъ ея былъ багрянѣе мѣсяца, выходящаго изъ предѣловъ горизонта.

„Лучами сего багрянаго сіянія освѣщались утесы и зáмокъ Рослинъ, освѣщались дерева всей окрестности. Видѣли ихъ изъ лѣсовъ Драйденскихъ и изъ пещеръ Гавторндена.

„Вы бы сказали, что пламень обхватилъ кругомъ печальную часовню, гдѣ вожди Рослина лежатъ съ открытыми лицами въ стальныхъ одеждахъ, подъ сукномъ погребальнымъ.

„Все представлялось огнемъ внутри и снаружи: столбы съ ихъ украшеніями, гробы, оружіе умершихъ,

все ярко сіяло симъ огнемъ несчастнымъ.

„Галлереи казались горящими; башни отражали оный свѣтъ чудесный; подпоры, своды надъ отверстіями, рѣзьба на стѣнахъ замка, все отсвѣчивалось отъ грознаго пламени, обыкновенно являющагося, когда владѣтель Сенъ-Клера находится при концѣ своей жизни.

„Двадцать владѣтелей почиваютъ въ часовнѣ, послѣдней обители величія земнаго. Каждой изъ нихъ имѣетъ гробъ свой въ семъ священномъ мѣстѣ. Но, ахъ! Розабелла прекрасная нашла гробъ свой во глубинѣ моря!

„Всѣ носившіе на себѣ имя Сенъ-Клера погребены были при торжественныхъ обрядахъ богослуженія, при пѣніи гимновъ церковныхъ, при чтеніи молитвъ и колокольномъ звонѣ. Но, ахъ! бездны моря стонали, и вѣтры шумѣли печально, когда воды поглощали Розабеллу прекрасную.“

24.

Печальна и сладостна была пѣснь Гарольда; всѣ заслушались ее съ такимъ вниманіемъ, что едва замѣтили наставшій густой мракъ, по закатѣ дневнаго свѣтила. Не испаренія болотъ затмили небесную свѣтлость, и не кругъ мѣсяца заслонилъ солнце; какая-то дивная ночь медленно распространилась повсюду: омраченные гости тщетно взорами ищутъ другъ друга; они даже рукъ своихъ распознать не могутъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Сама Владѣтельница за́мка встревожилась, ибо предвидѣла какое-то непостижимое вліяніе. Вдругъ карло, упавши ницъ на землю, голосомъ задыхающимся воскликнулъ: „Найдено, найдено, найдено!“

25.

И внезапно блескъ ослѣпительный разсѣкаетъ мракъ ночи. За́мокъ весь кажется пылающимъ; столбы пространной храмины, висящіе щиты, разныя изваянія, мгновенно озарив-

шись, исчезали. Грянувшій громъ упадаетъ на карла между встревоженными гостями. Клубящійся дымъ наполняетъ весь за́мокъ. Гордые смирились, души отважныхъ проникнуты ужасомъ. Ехо повторяетъ трески грома, разноситъ ихъ отъ моря до моря, и всѣ стражи на стѣнахъ Карлейля, въ Бервикскомъ округѣ, устремляются къ оружію. Наконецъ гроза утихла, и пажа нестало.

26.

Нѣкоторые увѣряли, что слышали голосъ, что видѣли вещи, которыхъ иные совсѣмъ невидали. Дивный голосъ тотъ восклицалъ: „Ко мнѣ, о Гильбинъ!" и гдѣ карло былъ пораженъ громомъ, тамъ, сказываютъ, нѣкоторые видѣли руки, плечо и складки широкой одежды. Всѣ въ молчаніи стали молиться, и очи гордыхъ поникли Болѣе же всѣхъ устрашенъ былъ Делоренъ, Рыцарь впрочемъ неустрашимый: стоялъ онъ блѣденъ, неподвиженъ, безмолвенъ. Наконецъ про-

изнесъ трепещущимъ, прерывающимся голосомъ: „Я видѣлъ призракъ въ одеждѣ Пильгрима съ Испанскимъ шарфомъ, и узналъ въ немъ чародѣя Михаила Скотта.“

27.

Всѣ съ ужасомъ внимали словамъ Рыцаря. Продолжалось молчаніе, пока не прервалъ его достопочтенный Ангусъ. Именемъ своего патрона поклялся онъ совершить набожное путешествіе къ монастырю Мельрозы, дабы умилостивить разгнѣванный духъ Михаила Скотта, и вслѣдъ за нимъ каждый, для ободренія себя, взывалъ къ своему патрону. Одни молилися Св. Модану, другіе Св. Маріи, тѣ призывали Св. Роода, иные Марію острова. Всѣ произносятъ обѣты непощадить иждивенія на воскъ, на пѣніе гимновъ духовныхъ, на звонъ колокольный за упокой души Михаила Скотта. Между тѣмъ и сама достопочтенная Госпожа замка, встревоженная происше-

ствіемъ, рѣшилась торжественно отречься отъ чародѣйства.

28.

Какъ же теперь, послѣ столь ужаснаго явленія, пробудить голоса́ радости? Умолчу, какимъ образомъ кончилось пированіе, и какъ достойную чету благословило Небо прекраснымъ и храбрымъ потомствомъ. Неприличнѣе ли разсказать о набожномъ путешествіи вождей знаменитыхъ, печальнымъ обществомъ несущихъ приношенія свои къ олтарямъ Мельрозы?

29.

Всѣ рыцари съ обнаженною головою, одѣтые во вретище, со сложенными крестообразно руками на персяхъ, босые шли попарно, наблюдая глубокое молчаніе. Неслышно звуковъ отъ ихъ шествія, никакого шума, ни голоса: каждой старался удерживать въ себѣ дыханіе. Невидно гордыхъ взглядовъ, ни осанки величавой; забыта пышность, оставлено высокомѣріе, угашена пламенная любовь ко

славѣ. Медленно, тихо шествуютъ они, подобно тѣнямъ. Приближились къ олтарю и съ молитвою повергаются на землю; надъ головами развѣваются знамена ихъ предковъ; подъ камнями, на которыхъ простерты длани смиренныхъ рыцарей, покоятся тлѣнные остатки ихъ отцовъ и дѣдовъ. Молящіеся окружены мучениками и угодниками святыми, коихъ тѣлеса почиваютъ въ глубокихъ впадинахъ; праведники сіи, кажется, изъявляютъ свое неблаговоленіе.

30.

Иноки Мельрозы выступаютъ изъ темной глубины притвора, и подходятъ къ рыцарямъ. Черные клобуки и нарамники покрываютъ длинную, бѣлую ихъ одежду. Они держатъ въ рукахъ свѣчи, поютъ, молятся, возносятъ святый знакъ искупленія. Старшій изъ священно-иноковъ подъятою рукою благословляетъ лежащихъ рыцарей, творя надъ ними три краты знаменіе крестное. Онъ молится за

нихъ, молится о низпосланіи мудрости къ нимъ въ за́мки и о побѣдѣ на полѣ ратномъ. Читаетъ обѣдню, приказываетъ пѣть молитву за умершихъ, сопровождаемую колокольнымъ звономъ. Торжественный обрядъ оканчивается жалобнымъ гимномъ. Ехо повторяетъ подъ сводами и въ переходахъ отдаленныхъ громкіе звуки органа. Да будетъ мнѣ позволено оныя легкія и суетныя пѣсни заключить величественнымъ гимномъ, которымъ преподобные служители Приснодѣвы огласили пространство священнаго ея храма.

31.

Гимнъ за усопшихъ.

„О день гнѣва Божія и общаго смятенія, день, въ который падетъ земля и твердь небесная! Кто будетъ помощникомъ грѣшному? Кто поможетъ ему, когда небо свіется, яко кожа, и когда труба грозная возʒовет ъ умершихъ ко свѣту?

„Ахъ! въ оный страшный день правосудія, когда небо и земля мимо прейдутъ, Ты самъ, о Боже мой! Ты самъ будь помощникомъ грѣшному!«

Умолкли звуки арфы; Барда не стало. Самъ ли онъ удалился? Убогій, отягченный старостію, не уже ли долженъ скитаться онъ, безъ подпоры, безъ путеводителя? Нѣтъ! Хижина у самой стѣны башни Неварка нынѣ служитъ ему обителью. Садикъ, живымъ зеленымъ заборомъ огражденный, окно съ пріятными видами, отрадный комелекъ предлагаютъ сладостный отдыхъ утомленному пѣшеходцу. Путникъ находитъ здѣсь кровъ гостепріимства у того, кто самъ долго скитался отягченный бѣдностію и презрѣніемъ, и гость забываетъ время, сидя передъ огонькомъ трескучимъ и слушая повѣсти о дѣяніяхъ давно минувшихъ. Такъ протекали дни зимніе. Но когда холмы Бовгилля улыбались къ прохлаждающимъ вѣт-

рамъ лѣта, когда на муравахъ цвѣты колебались, когда голоса птицъ веселили Гере-Гирдскую дубраву, когда зеленѣли колосья Картергога, когда старые дубы простирали новыя свои вѣтки; тогда пробудившійся геній Барда воспѣвалъ славные подвиги Рыцарей знаменитыхъ. Восхищенный путникъ забывалъ, что онъ застигнутъ ночью; юные звѣроловы не думали преслѣдовать оленя, прислушиваясь къ пѣнію Барда, и воды Ярова, текущія у хижины, уносили съ собою звуки его арфы.

Примѣчанія къ пѣсни первой.

1 е.

Кончилось празднество въ Бранксомѣ — строф. 1, стран. 6.

Въ государствованіе Іакова I, Сиръ Вилльямъ Скоттъ *Буклейгъ*, глава фамиліи сего имени, промѣнялъ Сиру Томасу Инглису *Манору* Мюрдистонское владѣніе свое, что въ Ленаркскомъ Графствѣ, на одну половину Бранксома, или Бранксгольма (*), ле-

(*) Баронство собственно называется *Бранксгольмъ*; но *Бранксомъ*, го-

жащаго при рѣкѣ Тевіотѣ, въ трехъ миляхъ отъ Гавика. Побудительною къ тому причиною было, какъ видно, сосѣдство Бранксома съ другими обширными владѣніями, которыя онъ имѣлъ въ Етрикскомъ лѣсу и въ долинѣ Тевіотской. Въ первомъ находилось и главное имѣніе его Буклейгъ съ обширнымъ лѣсомъ при рѣкѣ Етрикѣ. Преданіе говоритъ, что обмѣнъ между Скоттомъ и Инглисомъ состоялся по поводу разговора, въ которомъ послѣдній, человѣкъ тихаго нрава и робкій отъ природы, много жаловался на обиды, терпимыя имъ отъ Англичанъ пограничныхъ, часто нападавшихъ на его Бранксомскія земли. Сиръ Вилльямъ Скоттъ незамедлилъ предложить въ обмѣнъ сосѣду Мюрдистонское свое имѣніе, а по окончаніи сдѣлки далъ ему замѣтить, что Кумберландская скотина ничѣмъ нехуже Тевіотской. Онъ въ самомъ дѣлѣ принялъ себѣ за правило *систему возмездія* вразсужденіи сопредѣльныхъ жителей Англіи: такъ поступали и его преемники. Іаковъ II пожаловалъ Сиру Валтеру Скотту и сыну его Сиру Давиду остальную половину Бранк-

---

ворить Авторъ, легче для выговора и приличнѣе въ стихотвореніи.

сомскаго Баронства въ награду за подвиги вѣрности, оказанные ими передъ тѣмъ незадолго, когда Король сей враждовалъ съ домомъ Дугласа за престолъ Шотландіи. Грамота дана 2 Февраля 1443 года.

Со времени упомянутаго обмѣна Бранксомъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ пребыванія фамиліи Буклейгъ. За́мокъ былъ распространенъ и украшенъ Сиромъ Давидомъ Скоттомъ, внукомъ перваго владѣтеля, Сира Виллльяма. Но Елисавета, раздраженная набѣгами Буклейговъ и преданностію ихъ къ Королевѣ Маріи, около 1570 года разрушила за́мокъ и совсѣмъ опустошила Бранксомскую землю. Послѣ за́мокъ былъ возстановленъ и служилъ по прежнему главнымъ мѣстопребываніемъ фамиліи Буклейгъ.

2.

Двадцать девять рыцарей знаменитыхъ — строф. 3, стран. 7.

Старинные Бароны Буклейги, какъ для пышности, такъ для охраненія за́мка и для обороны отъ пограничныхъ непріятелей, держали при себѣ въ готовности нѣсколько благородныхъ своихъ васалловъ.

3.

Берегутъ себя отъ измѣнъ южнаго народа — строф. 6, стран. 8.

Бранксомскій за́мокъ былъ подверженъ всегдашнимъ нападеніямъ со стороны Англичанъ, которые весьма рѣдко жили въ мирѣ съ пограничными Шотландцами. Есть рукописное донесеніе Графа Нортумберландскаго Генриху VIII (1533 г.), гдѣ включены подробности объ успѣшномъ набѣгѣ Англичанъ на землю Буклейга: все было опустошено ими даже до воротъ за́мка; но имъ не удалось исполнить главнаго приказанія, — не удалось убить или поймать Барона.

4.

Ахъ, Валтеръ! долго Барды воспѣвать будутъ твою кончину. Они повѣдаютъ, какъ начальникъ Бранксома палъ — строф. 7, стран. 9.

Сиръ Валтеръ Скоттъ - Буклейгъ, принявшій наслѣдство послѣ дѣда своего Сира Давида (въ 1492 г.), былъ храбрый, могущественный Баронъ и стражъ западныхъ границъ Шотландіи. Смерть его была слѣдствіемъ вражды между фамиліями Скоттовъ и Каровъ. Онъ у б и т ъ врагами своими на одной изъ улицъ Един-

бурга 1552 года. Дѣйствіе, описываемое въ поемѣ, воспослѣдовало скоро послѣ упомянутаго происшествія.

5.

Тщетно рыцари обѣихъ сторонъ — — предпринимаютъ набожныя путешествія — строф. 8, стран. 9.

По силѣ заключаемыхъ договоровъ между начальниками обѣихъ сторонъ такія путешествія дѣйствительно были предпринимаемы рыцарями, для испрошенія вѣчнаго покоя душамъ убитыхъ, своихъ неприятелей. Исторія среднихъ вѣковъ представляетъ многіе тому примѣры.

6.

Доколѣ Каръ будетъ господствовать въ Цессфордѣ — строф. 8, стран. 10.

Фамилія Каръ (Керъ и Керръ) была одна изъ могущественныхъ на границѣ. Цессфоръ — нѣкогда весьма крѣпкій за́мокъ, мѣстопребываніе Баронской фамиліи — нынѣ представляетъ однѣ развалины.

7.

— — *нежели согласится на брачный союзъ ея съ Лордомъ Кранстуномъ* — строф. 10, стран. 11.

Фамилія Кранстоунъ (въ переводѣ иногда и Кранстонъ) была одна изъ

древнихъ; начальникъ ея имѣлъ пребываніе свое въ Крайлингѣ, на долинѣ Тевіотской. Кранстоны въ сіе время были во враждѣ съ фамиліею Скоттовъ.

8.

Въ далекой области Падуанской выучился онъ искусству — строф. 11, стран. 11.

Крестьяне Шотландскіе долго почитали Падуу главнымъ училищемъ некромантіи. Графъ Говрей, убитый въ Пертѣ 1600 года, увѣрялъ, что обучавшись разнымъ наукамъ въ Италіи, онъ приобрѣлъ тамъ и нѣкоторыя свѣдѣнія по части Кабалистики, съ помощію которыхъ, по его словамъ, былъ въ состояніи заговаривать змѣй и дѣлать многія чудеса разнаго рода.

9.

— — *тѣло его не бросало отъ себя тѣни на каменную стѣну, освѣщенную лучами солнца* — строф. 11, стр. 12.

Думали, что тѣнь отъ чернокнижника неподлежитъ дѣйствію солнца. — Глика разсказываетъ намъ, что Симонъ волхвъ заставлялъ тѣнь свою идти передъ собою, и что народъ почиталъ ее безтѣлеснымъ слугою чернокнижника. — Простой народъ полагаетъ, что какъ скоро ученики

одного класса приобрѣли уже извѣстные успѣхи въ своихъ мистическихъ наукахъ, то они обязаны пробѣжать черезъ подземную залу, гдѣ бѣсъ хватаетъ въ добычу себѣ одного изъ нихъ, послѣдняго въ родѣ; но бѣгущій можетъ быть такъ скоръ ногами, что злой духъ едва успѣетъ схватить одну лишь тѣнь. Въ семъ послѣднемъ случаѣ тѣло искусника никогда уже не бросаетъ отъ себя тѣни, и обыкновенно *утратившіе всю тѣнь* свою бываютъ самыми лучшими чернокнижниками.

10.

— — *умѣетъ заклинать незримыя существа воздушныя* — строф. 12, стран. 12.

Простой народъ въ Шотландіи вѣритъ бытію невидимыхъ существъ, обитателей воды и воздуха. Имъто приписываютъ они бури, наводненія и вообще всѣ феномены, которымъ даже ближайшія причины имъ неизвѣстны. Духи сіи вмѣшиваются въ дѣла смертныхъ, иногда желая вредить, а иногда и съ добрымъ намѣреніемъ.

11.

— — *что сей младенецъ усмиритъ нѣкогда гордыню единорога и*

мѣсяца со звѣздами — строф. 19, стран. 15.

Исправимъ ошибку. Должно читать: — — *усмиритъ нѣкогда гордыню единорога и возвеличитъ знаменитость мѣсяца со звѣздами.* Первое относится къ фамильному гербу Кара, второе къ гербу Скотта.

12.

— — *смотритъ на холмъ Моатскій* — строф. 25, стран. 18.

Ето искусственная круглая гора близь Гавика. По имени ея заключать можно, что въ древности была она мѣстомъ народнаго собранія, мѣстомъ совѣщаній для племенъ близь обитавшихъ. Въ Шотландіи донынѣ есть много такихъ холмовъ или кургановъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по четыре угла.

13.

Мѣсяцъ освѣщалъ скалы Минта. — строф. 27, стран. 19.

Симъ именемъ называется группа скалъ, возвышающихся на Тевіотской долинѣ. Узкая площадка на вершинѣ одного утеса, откуда представляется взорамъ видъ восхитительный, донынѣ извѣстна подъ именемъ *Барнгилевой постели.* Барн-

гиль, сказываютъ, былъ разбойникъ или бѣглецъ, скрывавшійся отъ мести законовъ. У подошвы скалъ видны развалины крѣпкой башни, въ которой, по преданію, жилъ сей опасный пустынникъ.

14.

Вдругъ Мельроза и Твидъ показались (*) *во мракѣ* — строф. 31, стран. 21.

Древній, величественный монастырь Мельрозы основанъ былъ Королемъ Давидомъ I. Въ развалинахъ его представляются нынѣ достойные любопытства образцы готическаго зодчества и ваянія, превосходнѣйшіе изъ всѣхъ, какими Шотландія можетъ хвалиться. Великолѣпный монастырь сей посвященъ былъ Дѣвѣ Маріи, а монахи принадлежали къ ордену Цистерновъ.

Примѣчанія къ пѣсни второй.

1.

— — *иди посѣтить разрушенный памятникъ Св. Давида* — строф. 1, стран. 23.

Давидъ I, Король Шотландскій, почитается святымъ: онъ построилъ

(*) Должно читать *показались* вмѣсто исчезаютъ.

монастырь Мельрозы, нѣсколько другихъ обителей, и одарилъ ихъ щедро.

2.

— — *чтобы подружился я съ Михаиломъ Скоттомъ* — строф. 13, стран. 29.

Сиръ Михаилъ Скоттъ Балвери жилъ и славился въ XIII столѣтіи. Сочинитель, позволивъ себѣ сдѣлать піитическій анахронизмъ, переселилъ его въ позднѣйшее время. Михаилъ Скоттъ имѣлъ весьма обширныя знанія, большею частію приобрѣтенныя имъ въ чужихъ краяхъ. Онъ писалъ замѣчанія на Аристотеля, напечатанныя потомъ въ Венеціи 1496 года; сочинилъ разные трактаты о Натуральной Философіи, изъ которыхъ видно, что онъ отмѣнно любилъ упражняться въ Астрологіи, Алхиміи, Физіогноміи и Хиромантіи. По сему-то между современниками своими считался онъ весьма искуснымъ чернокнижникомъ. Демпстеръ слышалъ въ молодыхъ своихъ лѣтахъ (*Dempsteri Historia Ecclesiastica, 1627, L. XII, p.* 495), что магическія книги Михаила Скотта еще донынѣ существуютъ, но что открыть ихъ опасно: ибо въ нихъ заключается призываніе демоновъ. У Леслея Михаилъ Скоттъ

славится, какъ весьма ученый мужъ и самый глубокій магикъ: „singulari philosophiae, astronomiae, ac medicinae laude praestans; dicebatur penitissimos magiae recessus indagasse.“ Дантъ упоминаетъ о немъ, какъ о славномъ волшебникѣ:

Quell altro chi ne' fianchi e cosi poco
Michele Scoto, chi veramente
Delle magiche frode seppe il gioco.
Div. Com. Canto XX.

Имя Михаила Скотта повторяется во многихъ старинныхъ легендахъ и память его сохранилась въ народѣ. Но преданія не согласны вразсужденіи мѣста, гдѣ погребено его тѣло: одни говорятъ, что оно должно быть въ Кумберландѣ, другіе, что въ Аббатствѣ Мельрозы. Всѣ однако же полагаютъ, что магическія книги погребены были съ нимъ вмѣстѣ, или по крайней мѣрѣ сбережены въ монастырѣ, гдѣ онъ умеръ.

3.

— — *во глубинѣ подземельныхъ сводовъ Саламанки* - - - строф. 13, стран. 30.

Испанія, гдѣ хранились еще остатки Арабской учености и суевѣрія, почитаема была любимымъ мѣстопребываніемъ чернокнижниковъ. Папа Сильвестръ, принесшій изъ Испа-

ніи числительные знаки Аравійскіе, по сказанію нѣкоторыхъ, тамъ изучился Магіи. Въ Толедѣ, Севиллѣ, Саламанкѣ, были публичныя школы, въ которыхъ преподавали науку магическихъ таинствъ. Въ Саламанкѣ подобное училище находилось въ глубокомъ подземельѣ; входъ въ него закладенъ былъ камнями при Изабеллѣ, вдовѣ Короля Фердинанда. Сіи Испанскія школы упоминаются и въ стихахъ сказочниковъ Италіянскихъ; напримѣръ:

Questo citta di Toletto ſolea
Tenere ſtudio di Negromanzia,
Quivi di magica arte ſi leggea
Publicamente, e di Peromanzia;
E molti Geomanti sempre avea
E sperimente assai d' Tetremanzia
Ed' altre ſalse opinion' di sciocchi
Come e ſatture, o spesso batter gli occhi.

Il Morgante Maggiore, Canto XXV, St, 259.

Славный волшебникъ Можисъ, извѣстный въ Поемѣ Аріоста подъ именемъ Малажижи, учился чернокнижеству въ Толедѣ; такъ повѣствуется въ L'Histoire de Maugis D'Aygremont. Онъ даже былъ и Профессоромъ въ некромашическомъ университетѣ города Саламанки. Сіе древнее

училище основано, какъ сказываютъ, Геркулесомъ. Любитель классической древности, можетъ быть, пожелаетъ знать, гдѣ самъ Геркулесъ обучался магіи; раскрывши книгу Les faicts et proesses du noble et vaillant Hercules, онъ усмотритъ слѣдующее: басня объ оказанной симъ героемъ помощи Атласу, поддерживающему небо, произошла оттуда, что Атласъ преподавалъ Геркулесу, *благородному странствующему рыцарю*, семь наукъ свободныхъ, и въ особенности Астрологію. — Въ романтической исторіи о Родерикѣ, послѣднемъ Готскомъ Королѣ въ Испаніи, сказано, что сей Государь входилъ въ одну изъ пещеръ чародѣйскихъ, находившуюся близь Толедо за древнею башней. Угрожаемый нашествіемъ Срацинъ, онъ желалъ знать о слѣдствіяхъ, и узналъ приговоръ ужасной.

4.

— — *колокола начали звонить сами собою* — строф. 13, стран. 30.

И на сей случай Авторъ нашъ приводитъ примѣры, заимствуемые изъ народныхъ преданій. Михаилъ Скоттъ долженъ былъ отправиться посломъ во Францію, съ тѣмъ чтобы требовать удовлетворенія

за грабительскіе поступки, сдѣланные подданными оной Державы противъ Шотландскихъ мореходцевъ. Михаилъ, вмѣсто всякаго другаго приготовленія къ походу, раскрылъ свою чародѣйскую книгу, призвалъ бѣса, велѣлъ ему явиться въ образѣ коня, сѣлъ на послушную скотину и полетѣлъ черезъ море по воздуху во Францію. Очутившись въ Парижѣ, посолъ Шотландскій подъѣзжаетъ ко дворцу и привязываетъ воздушнаго рысака своего къ воротамъ; неокруженный свитою, безъ пышности и безъ всякихъ дипломатическихъ обрядовъ предложилъ онъ Королю свои требованія. Монархъ готовъ былъ уже отослать его съ презрѣніемъ, какъ вдругъ Михаилъ Скоттъ объявляетъ, чтобы удержались отвѣчать, пока его конь не ударитъ копытомъ въ землю три раза. Послѣ перваго раза всѣ колокольни Парижскія зашатались и *колокола на нихъ начали звонить сами собою;* послѣ втораго — три башни, къ дворцу принадлежащія, обрушились. Уже адскій конь занесъ было ногу, чтобы ударить въ третій разъ и послѣдній; но Король призналъ за лучшее отпустить Михаила съ полнымъ удовлетвореніемъ,

нежели дождаться слѣдствій весьма неприятныхъ, *и прог.*

5.

—— *слова, силою которыхъ принудилъ бы гору Ейльдонъ разсѣсться, а рѣку Твидъ заключилъ бы въ нѣдрахъ кремнистаго ея исходища* — строф. 13, стран. 3о.

Шотландскимъ читателямъ извѣстенъ предполагаемый здѣсь подвигъ. Михаилъ Скоттъ былъ однажды въ большомъ затрудненіи, отъ того что незналъ, какую бы постоянную работу возложить на злаго духа. Чародѣй приказалъ ему построить плотину на рѣкѣ Твидѣ при Кельсо; въ одну ночь плотина поспѣла, и до сей поры еще она дѣлаетъ честь адскому своему архитектору. Михаилъ потребовалъ, чтобы гора Ейльдонъ, до того времени бывшая однообразнымъ конусомъ, представляла три вершины. Прошла другая ночь, и все готово! Наконецъ хитрый магъ одолѣлъ неутомимаго бѣса, давъ ему безнадежную и безконечную работу: велѣлъ ему дѣлать веревки изъ песку морскаго.

6.

— *и свѣтъ сей непогаснетъ даже до суда послѣдняго* — строф. 17, стран. 32.

Здѣсь рѣчь идетъ о неугасаемыхъ лампахъ. Баптиста Порта и другіе авторы, писавшіе о естественной Магіи, увѣряютъ, будто бы вѣчные свѣтильники сіи находимы были горящими въ древнихъ могилахъ. *Фортуніусъ Лицетусъ* написалъ трактатъ De lucernis antiquorum reconditis, изданный въ Венеціи 1621 года. Одна изъ сихъ лампъ вѣчно горящихъ найдена, какъ сказываютъ, въ гробницѣ Тулліолы, Цицероновой дочери. Догадывались, что свѣтильня сдѣлана была изъ асбеста, и Кирхеръ, предложивъ три разныя средства дѣлать подобныя лампы, остроумно заключаетъ, что вещь эта не совсѣмъ невозможна. См. *Mundus supterraneus.* Делріо увѣряетъ, что при дѣланіи такихъ свѣтильниковъ нельзя обойтись безъ магическаго искусства. См. Disquisitiones magicae. Въ одной весьма рѣдкой повѣсти разсказывается о жизни Виргилія, о смерти его и о разныхъ некромантическихъ штукахъ, которыя дѣлалъ онъ съ помощію бѣса; въ сей книгѣ

упоминается также и объ одной таинственной лампѣ, употребленной при нѣкоторомъ случаѣ, важномъ для Римскаго Поэта. Виргилій, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вздумалъ обновить жизнь свою посредствомъ магическаго искусства, въ которомъ былъ весьма силенъ. На сей конецъ построилъ онъ башню, украсилъ ее приличнымъ для своего намѣренія образомъ, велѣлъ вѣрному слугѣ своему умертвить себя и положить свой трупъ въ погребѣ при *несгараемой лампѣ*, и проч. Октавій Августъ, не видя долго своего друга, принудилъ вѣрнаго слугу открыть тайну; самъ ходилъ въ погребъ: но Виргилій невозвращался болѣе къ жизни.

7.

Казалось, будто бы трупъ наморщилъ чело свое — строф. 21, стран. 34.

Вильяму Делореню могло показаться такъ, потому что онъ весьма хорошо зналъ всѣмъ извѣстный случай съ Цидомъ Рюн-Діазомъ. Тѣло сего знаменитаго рыцаря находилось уже десять лѣтъ въ катедральномъ Толедскомъ соборѣ, когда одинъ злобный Жидъ вздумалъ было ста-

щить долой мертваго героя: Рыцарь встрепенулся, обнажилъ до половины грозный мечь свой, а Жидъ мгновенно скрылся. Достопамятное сіе происшествіе описано современниками.

8.

Карло, стерегущій подъ дубомъ — строф. 33, стран. 41.

Карло-оборотень, етотъ пажъ Кранстоновъ, имѣетъ большое сходство съ удивительнымъ существомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Гильпинъ-Горнера, которое являлось и по нѣскольку времени квартировало въ одномъ крестьянскомъ домѣ, на границѣ между горами. Нѣкто изъ тамошнихъ дворянъ предалъ на память потомству слѣдующія подробности:

„Достовѣрное и весьма впрочемъ вѣроятное сказаніе о Гильпинъ-Горнерѣ я самъ слышалъ отъ одного старика, по имени Андерсона, которой родился и провелъ всю жизнь свою въ Тодшавгилѣ, гдѣ Гильпинъ являлся и квартировалъ но нѣскольку времени. Старикъ разсказывалъ, что два человѣка поздно вечеромъ привязывали своихъ лошадей, чтобы ночью не бродили они въ полѣ. Вдругъ слы-

шать издали громкій голосъ: „Tint! tint! tint! (Погибло! погибло! погибло!). Одинъ изъ сихъ людей, именемъ Моффотъ, закричалъ: „Что тамъ у тебя погибло? Ступай сюда!“ И въ то же мгновеніе явилась фигура, нѣсколько похожая на человѣка. Чудовище было очень мало собою, имѣло безобразную рожу и уродливые члены тѣла. Увидѣвши его, мужики бросились опрометью домой въ великомъ страхѣ: они догадались, что имъ попался какой нибудь оборотень. Гильпинъ-Горнеръ побѣжалъ въ слѣдъ за ними, расположился у нихъ въ домѣ и дѣлалъ тамъ разныя проказы, во многомъ сходныя съ шалостями пажа Кранстонова.

Примѣчанія къ пѣсни третьей.

1.

Адскимъ книги сея могуществомъ жена превращалась въ Рыцаря — строф. 9, стран. 47.

Въ подлинникѣ употреблено слово *glamour*, которое по Шотландскимъ суевѣрнымъ преданіямъ значитъ искусство дѣйствовать на зрѣніе, умѣнье *отвести глаза* зрителей, такъ чтобы предметъ казался совершенно отличнымъ нежели

каковъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ. Въ памяти народной и въ старинныхъ книгахъ сохранились многіе примѣры достопамятныхъ превращеній сего рода, то есть не дѣйствительныхъ, а единственно казавшихся таким. Искусство сіе было употребляемо также и въ военное время противъ неприятеля, чему старинныя записки представляютъ примѣры весьма поучительные. Наконецъ скажемъ, что *мороченье* въ старину составляло главную принадлежность ремесла фокусниковъ, которыхъ забавныя штуки были утѣхою готическихъ за́мковъ.

2.

— *но вода разрушила живыя прелести* — строф. 13, стран. 50.

Разумѣется, вода проточная, живая; ибо простой народъ несомнѣнно вѣритъ, что никакое чародѣйство неустоитъ противу воды текущей. Ежели вы отдѣлены отъ вѣдемъ, страшилищъ, отъ всякихъ враговъ незримыхъ, ежели, говорю, вы отдѣлены отъ нихъ ручьемъ или потокомъ; то вамъ не чего страшиться. Объ етомъ писали ученые мужи и открытіе сіе сдѣлано еще въ древніе вѣки. Бромптонъ увѣдомляетъ насъ, что одинъ Ирландскій волшеб-

никъ, посредствомъ нѣкоторыхъ словъ, земляные комы и камни превращалъ въ откормленныхъ поросятъ, и продавалъ ихъ на рынкѣ; но сверхъестественныя животныя тотчасъ принимали прежній видъ свой, когда обманутые покупатели должны были перегонять ихъ черезъ текущую воду. Бромптонъ однако же весьма строгъ къ Ирландцамъ, да и не безъ причины: „Gens ista spurcissima non solvunt decimas."

3.

„Знакъ битвы блеснулъ на высотѣ Пенхриста!" — строф. 27, стран. 58.

Здѣсь рѣчь идетъ о сигналахъ, которые дѣйствительно служили средствомъ телеграфическаго сообщенія съ Единбургомъ. Парламентскимъ актомъ 1455 года опредѣлено: огонь разложенный въ одномъ мѣстѣ долженъ значить приближеніе Англичанъ; огонь въ двухъ мѣстахъ — что они уже пришли; четыре костра, одинъ близь другаго пылающіе — что непріятель очень силенъ многолюдствомъ и проч.

4.

Воспламени шаръ горючій, чтобы наши люди и всѣ друзья наши подняли оружіе. — строф. 27, стран. 58.

Пограничные жители Шотландіи въ самое короткое время собирали конницу многочисленную при первомъ появленіи неприятелей. Автору извѣстны примѣры мгновеннаго вооруженія даже и при случаяхъ не столь важныхъ, какъ описываемый въ его поэмѣ.

5.

Свѣтъ льется — — на мрачныя пирамиды, скрывающія подъ собою тлѣющій прахъ героевъ — строф. 29, стран. 60.

Груды камней, находящіяся на вершинахъ горъ и на другихъ замѣчательныхъ мѣстоположеніяхъ въ Шотландіи, служили по видимому, хотя и не вездѣ, памятниками надгробными. Вообще замѣчено, что шесть гладкихъ камней въ срединѣ образуютъ пустоту, болѣе или менѣе обширную; въ ней часто находятъ урну весьма грубой работы. Въ сосудѣ обыкновенно хранятся кости, прахъ и по нѣскольку четокъ, сдѣланныхъ изъ угля Все сіе кажется варварскимъ подражаніемъ Римскому обычаю хоронить мертвыхъ.

Примѣчанія къ пѣсни четвертой.

1.

Поселяне - - - бредутъ черезъ топкія болота, чтобы найти безопасность въ пещерахъ утесовъ — строф. 3, стран. 63.

Дѣйствительно болотистыя мѣста были обыкновеннымъ убѣжищемъ пастуховъ пограничныхъ, въ случаѣ нашествія Англійскаго войска. Пещеры, изсѣченныя въ горахъ неприступныхъ, служили пріютомъ во время великой опасности; онѣ донынѣ видны въ утесахъ Тевіотскихъ.

2.

Вижу Тинлина — строф. 4, стран. 64.

Авторъ говоритъ, что въ молодости своей слышалъ множество разсказовъ объ етомъ человѣкѣ. Онъ принадлежалъ къ сторонѣ Буклейговъ, и отправлялъ пограничную службу свою, живучи въ маленькой башнѣ. Тинлинъ ремесломъ былъ сапожникъ, но по склонности и привычкѣ — стрѣлокъ и воинъ. Сей вѣрный и храбрый стражъ удачно отгонялъ неприятеля отъ Шотландской границы.

3.

Дакръ и Говардъ идутъ за нами — строф. 6, стран. 65.

Извѣстное въ Исторіи имя Дакра произошло отъ подвиговъ одного предка, находившагося при осадѣ Акры, или Птолемаиды, подъ начальствомъ Ричарда Львиное сердце. Были двѣ могущественныя линіи сего имени. — Вильгельмъ Говардъ, третій сынъ Томаса, Герцога-Норфолькскаго, получилъ въ наслѣдство замокъ Навортъ съ принадлежащими къ нему землями, по женѣ своей Елисаветѣ, которая была сестрою Лорду Георгію Дакру, умершему бездѣтнымъ въ царствованіе Королевы Елисаветы. Авторъ признается, что онъ позволилъ себѣ сдѣлать піитическую вольность, именно — анахронизмъ: Говардъ жилъ нѣсколькими годами ранѣе повѣствуемаго здѣсь происшествія. За́мокъ Навортъ донынѣ существуетъ въ Кумберландѣ.

4.

— *со многолюднымъ войскомъ копьеносцевъ и стрѣлковъ Германскихъ* — тамъ же.

Въ случаѣ войны противъ Шотландіи, Генрихъ VIII и его преемники

дѣйствительно употребляли многолюдныя наемныя войска. Валтеръ Скоттъ, неоставляющій ничего безъ объясненій и замѣчаній, тщательно показываетъ разные случаи, когда Нѣмецкія наемныя войска были посыланы воевать въ Шотландію.

5.

Храбрый Тирлестанъ сбираетъ подъ бѣлую хоругвь свою ——— строф. 8, стран. 67.

Сиръ Джонъ Скоттъ Тирлестанъ отличился подвигомъ своимъ въ царствованіе Іакова *V*, отъ котораго получилъ и жалованную грамоту. Валтеръ Скоттъ неупустилъ случая приложить ее, какъ любопытную для своихъ читателей.

6.

Преклонныхъ лѣтъ Рыцарь прибылъ въ зáмокъ — строф. 9, стран. 67.

Это владѣлецъ Гардена, ведущій родъ свой отъ младшаго изъ сыновъ Лорда Буклейга. Валтеръ Скоттъ Гарденскій процвѣталъ во время Королевы Маріи. Имя и подвиги его донынѣ сохранились въ пѣсняхъ и преданіяхъ.

7.

Делорень возведенъ въ санъ Рыцаря Дугласомъ — строф. 26, стран. 82.

Достоинство Рыцаря, по законамъ, не могло быть жаловано Государемъ; его могъ дать воинъ, которой самъ носилъ оное титло, и въ томъ состояла честь рыцарства. Въ послѣдствіи времени право сіе присвоено полководцамъ, которые производили въ Рыцари прежде и послѣ сраженія.

8.

— *на полѣ Анкрамской битвы* — тамъ же.

Сраженіе сіе относится къ 1545 году. Англичане были совершенно разбиты и оба главнокомандующіе погибли. Шотландскою арміей предводительствовалъ Архибальдъ Дугласъ, Графъ Ангусскій, при содѣйствіи Лорда Буклейга и Нормана Леслея.

9.

— — *чтобы Левъ Бѣлый оставался въ тылу* — строф 30, стран. 85.

Ето былъ гербъ дома Говардовъ. Названіе герба часто служило военнымъ именемъ для того, кому принадлежалъ оный.

Примѣчанія къ пѣсни пятой.

1.

Долженъ ли сказать я - - - стран. 92. Сими словами должна бы начинаться строфа 4 я, которая по ошибкѣ неотдѣлена отъ 3 й.

2.

— — *что войско сіе принадлежитъ грозному Дугласу* — строф. 4, стран. 93.

Главою могущественной фамиліи Дугласовъ былъ Архибальдъ Дугласъ, седмый Графъ Ангусскій, мужъ отмѣнно храбрый и дѣятельный. Окровавленное сердце служило отличительнымъ признакомъ въ гербѣ ихъ дома.

Примѣчанія къ пѣсни шестой.

1.

Я увѣренъ, что она никогда неотваживалась на заклинанія безбожныя — строф. 5, стран. 118.

Въ мнѣніи простаго народа есть различіе между волшебниками: одни будто бы начальствуютъ надъ злыми духами, другіе же сами служатъ имъ по заключенному съ обѣихъ сторонъ договору.

2.

— — *богато украшенную голову вепря - - павлина и проч.* — строф. 6, стр. 119.

Голова вепря была обыкновеннымъ блюдомъ Рыцарей. Въ Шотландіи оно обставляемо было маленькими флагами или значками. Павлины же почитались не только лакомою пищею, но и необходимой принадлежностію рыцарскаго стола въ дни торжественные.

3.

Яростный Гунтиллъ - - трясетъ головой и грызетъ перчатку — строф. 7, стр. 121.

У Шекспира грызть перчатку значитъ показывать презрѣніе; но по обычаямъ Шотландскихъ граничныхъ жителей приемъ сей служилъ вѣрнымъ признакомъ мщенія, ни чѣмъ не отвратимаго.

4.

— — *съ того времени какъ пойманный сѣтями звѣрь далъ родовое имя первому Буклейеу* — строф. 8, стран. 122.

Происшествіе сіе, сохранившееся въ преданіяхъ, воспѣто стихотворцами.

5.

Въ полномъ блескѣ солнце сіяетъ въ Карлейлѣ — строф 11, стран. 124.

Повтореніе сего стиха, съ нѣкоторою впрочемъ перемѣной, дѣйствительно встрѣчается въ одной старинной пѣсни Шотландской.

6.

А кто незнаетъ славы Суррея? — строф. 13, стран. 126.

Любезный дамамъ и несчастный Генрихъ Говардъ, Графъ Суррей, безспорно былъ совершенный рыцарь своего времени; въ сонетахъ же его блистаютъ такія красоты, которыя сдѣлали бы честь и болѣе просвѣщенному вѣку. Ему отрубили голову въ Toверъ-Гиллѣ 1546 года, по приказанію Генриха VIII, потому единственно что Король сей не могъ терпѣть близъ своего трона человѣка съ такимъ превосходнымъ характеромъ.

Содержаніе пѣсни упоминаемаго здѣсь Барда основано на одномъ приключеніи, описанномъ въ путешествіяхъ Графа. Корнелій Агриппа, славный алхимистъ, показалъ ему въ зеркалѣ милую Геральдину, ту

красавицу, которой онъ посвятилъ и перо свое и мечь свой.

7.

Господствовали надъ морями, и корабли ихъ подобны были змѣямъ равнинъ водныхъ — строф. 22, стран. 131.

Начальники *Вакингеровъ*, или Скандинавскихъ разбойниковъ, титуловали себя морскими Королями — *Saekonungr*. Корабли на высокопарномъ языкѣ Скальдовъ часто назывались *змѣями океана*.

8.

— *воспѣвалъ морскаго безмѣрной величины змѣя* — строф. 22, стран. 131.

Это *Іормунгандръ*, или *змѣй океана*, объ которомъ упоминается въ Еддѣ. Онъ былъ пойманъ богомъ Торомъ, которой закинулъ нарочно приготовленную для того уду. Онъ же принималъ участіе въ битвѣ между злыми духами и божествами Одина.

9.

Исторгали оружіе, которое рука ихъ еще держала — — строф. 22, стран. 132.

Сѣверные воины обыкновенно погребаемы были съ оружіемъ ихъ и съ другими драгоцѣнностями. Такимъ

образомъ Аргантиръ, убитый на поединкѣ, предварительно условился, чтобы мечь его Тирфиръ положенъ былъ съ нимъ вмѣстѣ, если онъ падетъ отъ руки сопротивника. Сказаніе о семъ читать можно въ Герваръ-Сагѣ. Извѣстно, что врагамъ сихъ героевъ сѣвера не всегда удавалось похищать оружіе у мертвыхъ.

Здѣсь извлечены только необходимыя примѣчанія изъ объяснительныхъ дополненій Автора къ его Поемѣ. Изъ нихъ видимъ, что у Валтера Скотта все основано на происшествіяхъ знакомыхъ, на преданіяхъ историческихъ; все болѣе или менѣе согласно съ памятниками существующими и съ остатками обычаевъ старинныхъ. Лица извѣстны или должны быть извѣстны тѣмъ людямъ, для которыхъ написана Поема. Слѣдственно достоинство стихотворенія сего состоитъ не въ одномъ только щеголеватомъ стопосложеніи. Скажемъ чистосердечно: вотъ какъ пишутъ ученые Поеты для просвѣщенныхъ читателей своего вѣка!

О РОМАНАХЪ ВАЛТЕРА СКОТТА.

Мы хотимъ говорить не объ одной книгѣ, не объ одномъ романѣ, но о цѣлой библіотекѣ, составленной изъ двадцати романовъ, которыхъ число ежедневно увеличивается, которые имѣютъ особенной характеръ и одинакія свойства, хотя различны содержаніемъ и хотя чрезвычайная плодовитость Сочинителя наполнила ихъ самыми разнообразными картинами, характерами и положеніями. Между блестящими качествами Валтера Скотта воображеніе занимаетъ первое мѣсто; имъ беретъ онъ большое преимущество надъ всѣми своими соперниками, жившими въ теченіе послѣдняго столѣтія, хотя и уступаетъ многимъ изъ нихъ въ другихъ отношеніяхъ: одни только сочинители *Кассандръ*, *Колоандръ* и прочихъ романовъ, въ которыхъ воображеніе стро-

итъ чудеса, могутъ въ етомъ равняться съ нимъ, хотя въ отношеніи къ харвктерамъ, вѣроятію и занимательности совершенно ему уступаютъ.

Етотъ даръ вымысла, ета плодовитость въ изобрѣтеніи пружинъ, средствъ, происшествій и развязокъ тѣмъ замѣчательнѣе въ романахъ Валтера Скотта, что онъ почти не выходитъ изъ круга весьма тѣснаго, оставаясь въ одномъ промежуткѣ времени и на сценѣ столько ограниченной, что тѣ же формы должны, кажется, непремѣнно повторяться и истреблять совершенно разнообразіе.— Почти всѣ содержанія взяты нѣсколькими годами прежде, или послѣ Англійской революціи. — Однакожъ одинъ изъ романовъ (*Нигель*) доходитъ до временъ Іакова I го; другой (*Иваной*) начинается пятью вѣками прежде при Ричардѣ Львиномъ Сердцѣ и одинъ только переходитъ изъ Англіи въ Плесси-ле-Туръ, Перонну и Литтихъ. — Въ прочихъ Авторъ иногда посѣщаетъ

сѣверныя Графства Англіи, но всего чаще южную часть Шотландіи. — Шотландія истинное отечество его Музы, центръ его таланта и столица его Литтературныхъ владѣній. — Скалы Графства Пертскаго и горы Шевіотскія — его Пиндъ и Парнассъ; Фортъ и Клида — его Пермессъ, его Иппокрена; и какъ Антей обновлялся въ силахъ, касаясь земли, такъ герои Валтера Скотта растутъ величіемъ и мужествомъ, взбираясь на скалы Шотландіи. — Оссіанъ или Макферсонъ отличены облаками, потоками и камнями надгробными; Валтеръ пріобрѣтаетъ прелесть, силу, легкость, украшая шляпу свою опереньемъ Шотландскимъ, завертываясь въ летучую епанчу, или поражая робкую лань стрѣлою неизбѣжимою.

Если сочинитель отличается разнообразіемъ, пробѣгая съ героями своими вселенную; если извлекаетъ разительныя противуположности,

сближая людей раздѣленныхъ Природою: тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, и ето не доказываетъ еще богатства воображенія. Но когда человѣкъ изображаетъ одни характеры, однѣ мѣста, одни костюмы и изъ сего источника единообразія почерпаетъ ежечасно вещи новыя, любопытныя, занимательныя; когда изъ малаго числа красокъ составляетъ онъ оттѣнки безчисленныя и столь ограниченными средствами заставляетъ забывать даже время сна: тогда согласиться должно, что такой писатель одаренъ самымъ живымъ, плодовитымъ и счастливымъ воображеніемъ.

Я нарочно повторяю о воображеніи Валтера Скотта, потому что искали въ другомъ причины его успѣховъ, а именно — въ вѣрномъ изображеніи нравовъ относительно къ народамъ и временамъ. — Давно уже твердятъ о сей вѣрности въ нравахъ, и всякой ученикъ признаетъ истину етой похвалы. — Не читая еще ни

одного романа, я не смѣлъ оспоривать у Валтера Скотта учености и глубокаго познанія нравовъ Англійскихъ и Шотландскихъ со всѣми ихъ перемѣнами при Маріи, Елисаветѣ, Іаковѣ, Карлѣ, Кромвелѣ, двухъ послѣднихъ Стуартахъ, Вильгельмѣ, Аннѣ и Георгіи Iмъ. Меня однакожъ удивляло то, что въ Парижѣ столько мущинъ и даже женщинъ знали такъ хорошо топографію Шотландіи, острововъ Оркадскихъ и Шотландскихъ, нравы народа и Лордовъ, различіе сектъ, и могли такъ смѣло ручаться за вѣрность описаній Валтера. — Я начиналъ подозрѣвать, что ета похвала изображенію нравовъ есть выдумка Англійскихъ книгопродавцевъ, повторенная во Франціи переводчиками; ибо вообще, когда хотятъ похвалить писателя, ищутъ всегда похвалъ, которыя бы показывали вкусъ, умъ и ученость того, кто хвалитъ.

Чтеніе внимательное и весьма для меня пріятное открыло мнѣ, что не-

осторожные панегиристы умолчали о всѣхъ достоинствахъ Валтера Скотта, дабы приписать ему такое, о которомъ онъ и самъ не думаетъ; и я увидѣлъ, что тѣ, которые кричали о *изображеніи нравовъ*, смѣшивали нравы народа съ его обычаями и привычками. — Валтеръ конечно старательно описываетъ платье, мѣсто и подробности домашней жизни, — иногда даже описанія его становятся слишкомъ мѣлочными; но етѣ подробности, которыя бываютъ приятны въ своемъ мѣстѣ, ничуть не составляютъ описанія *нравовъ*: ибо человѣкъ равно можетъ отступать отъ правилъ нравственности, или повиноваться онымъ, хотя бы носилъ онъ круглую шляпу вмѣсто триугольной, или обѣдалъ бы въ три часа вмѣсто шести.

Прочтя нѣкоторые изъ сихъ романовъ, я уже замѣтилъ различіе между нравами, обычаями и привычками; я увѣрялъ моего противника, что нра-

вы заключаются въ добродѣтеляхъ и порокахъ, съ которыми обычаи не имѣютъ связи необходимой; что обычаи сперва бываютъ нововведеніями; общее подражаніе дѣлаетъ ихъ обычаями; а время, передавая ихъ другимъ поколѣніямъ, превращаетъ въ привычки, но что они не составляютъ сущности нравовъ: ибо два народа съ одинакими обычаями могутъ имѣть совершенно различные нравы, и при различныхъ обычаяхъ имѣть нравы равно хорошіе, или дурные. — Потому я и утверждалъ, что Валтеръ Скоттъ тщательно описываетъ обычаи, а въ особенности платье своихъ героевъ; но никогда не думалъ передать намъ всѣ оттѣнки нравовъ, отличавшія каждый вѣкъ отъ Ричарда I до Ватерлооскаго сраженія.

Противникъ мой не принималъ етаго различія, и я замѣчу мимоходомъ, что чужое мнѣніе всегда защищаютъ съ бо́льшимъ жаромъ, нежели свое; я терялъ уже надежду открыть ему глаза, какъ самъ Валтеръ, въ пре-

дисловіи къ Иваною совершенно подтвердилъ мое мнѣніе. — Тамъ говоритъ онъ, что для бо́льшей занимательности должно переводить избранное содержаніе романа *на нравы, равно какъ и на языкъ нашего времени.* И такъ, по его же словамъ, не должно слѣпо слѣдовать нравамъ того времени, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Онъ подтверждаетъ это слѣдующими выраженіями: „страсти вообще бываютъ однѣ и тѣ же во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ странахъ и во всѣхъ вѣкахъ, и потому мнѣнія, привычки въ мысляхъ и поступкахъ, хотя и зависятъ отъ состоянія общества, но при всемъ томъ должны быть сходны между собою.“ Тутъ приводитъ онъ мѣсто изъ Шекспира, въ которомъ сказано, что предки наши имѣли глаза, руки, ощущенія, страсти подобныя нашимъ и слѣдовательно одинакія съ нами чувства. — Потомъ Валтеръ Скоттъ присовокупляетъ: бо́льшая часть разговора и нравовъ можетъ столько же относиться къ

нашему времени, какъ и къ тому вѣку, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. — Далѣе самъ признается, что онъ „вѣроятно смѣшалъ обычаи двухъ, или трехъ вѣковъ и помѣстилъ въ царствованіи Ричарда обстоятельства, принадлежащія предыдущимъ, или послѣдующимъ временамъ. Меня утѣшаетъ то, что погрѣшности сего рода не будутъ замѣчены большей частію моихъ читателей. Сиръ Валтеръ можетъ утѣшиться: не только погрѣшности его не будутъ нами замѣчены, но въ одномъ Парижѣ найдутся тысячи ученыхъ, готовыхъ утверждать, что онъ съ точностію изобразилъ нравы всѣхъ вѣковъ, мѣсяцовъ и дней; что онъ напрасно говоритъ, будто бы *должно переводить нравы, равно какъ и языкъ*, и ложно обвиняетъ себя въ смѣшеніи обычаевъ разныхъ вѣковъ.

Гораздо важнѣе сохранить каждому лицу данные нравы и заставить его дѣйствовать сообразно съ даннымъ

характеромъ. Валтеръ Скоттъ не всегда слѣдуетъ етому правилу; впрочемъ его погрѣшности въ семъ отношеніи довольно рѣдки и не довольно важны, и я бы не сталъ обнаруживать ихъ, если бы неосторожные панегиристы, хваля его тамъ, гдѣ онъ достоинъ критики, не умолчали о важнѣйшихъ достоинствахъ, которыми онъ щедро одаренъ отъ Природы. На примѣръ, изобразивши Лудовика XI самымъ подозрительнымъ и боязливымъ человѣкомъ, онъ заставляетъ его прогуливаться въ лѣсу съ незнакомцемъ.

Если романы Валтера Скотта названы историческими, то въ нихъ не должны бы встрѣчаться анахронизмы, которые совершенно противны Исторіи; Авторъ напротивъ часто впадаетъ въ ету погрѣшность. — На примѣръ, онъ заставляетъ Лудовика XI хвалить Нострадамуса, которой родился пятьнадцать лѣтъ послѣ смерти Лудовика XI, и жалуетъ Графа Егмонъ кавалеромъ Золотаго Руна во-

семь лѣтъ послѣ казни етаго вельможи. Етѣ ошибки ничего не значатъ для сочинителя романовъ; но онѣ доказываютъ, что Валтеръ совсѣмъ не добивался похвалы за точность въ семъ отношеніи; ибо онъ знаетъ, какъ нравы и обычаи народа могутъ перемѣниться въ теченіи осьми, или десяти лѣтъ.

Какимъ же очарованіемъ Валтеръ Скоттъ привязываетъ насъ къ чтенію своихъ романовъ? отъ чего мы походимъ на скупаго, который сидитъ надъ сокровищемъ, боясь видѣть его уменьшеннымъ? Ето очарованіе состоитъ въ искусствѣ возбуждать любопытство — и въ самомъ дѣлѣ всѣ начала его повѣстей прекрасны! Оно состоитъ въ искусствѣ поддерживать вниманіе неожиданными приключеніями; питать занимательность положеніями, которыя умножаютъ безпрестанно замѣшательство дѣйствующихъ лицъ; состоитъ въ нѣкоторой таинственности, которая застав-

ляетъ ожидать содѣйствія силъ сверхъестественныхъ, но никогда не доходитъ до чудеснаго. — Всѣ романы, вышедшіе до сихъ поръ, можно раздѣлить на два разряда: классическій и романтической. Первой заключаетъ въ себѣ тѣ, въ которыхъ всѣ происшествія естественны и въ которыхъ дѣйствуютъ однѣ страсти людей; ко второму относятся романы, основанные на чудесномъ, на суевѣрномъ страхѣ, на появленіи существъ другаго міра. — Мнѣ кажется, что Валтеръ Скоттъ старался сохранить правдоподобіе первыхъ, не пренебрегая впечатлѣній, производимыхъ послѣдними; но уважая слишкомъ истину, онъ замѣнилъ чудесное таинственнымъ, и объяснялъ физически, что́ кажется дѣйствіемъ причинъ сверхъестественныхъ.

Быстрый обзоръ произведеній сего остроумнаго Писателя покажетъ намъ, что таинственность есть отличительный характеръ бо́льшей ча-

сти оныхъ. Въ *Дурвардѣ* цыганъ, котораго ловкость, неожиданныя появленія, хитрость и необыкновенныя выдумки заставляютъ почитать колдуномъ; въ *Морскомъ разбойникѣ* Норна, которая, кажется, взята изъ Тысячи и одной ночи; въ *Певерилѣ* Фенелла, похожая на волшебницу своими уловками, искусствомъ пробираться въ мѣста неприступныя и долговременнымъ молчаніемъ; въ *Кенильвортѣ* невидимый кузнецъ и мальчикъ; въ *Таинственномъ карлѣ* черный карло; въ *Нигелѣ* Маргарита Рамзей, переодѣтая мальчикомъ и тайно проникающая въ темницу своего любезнаго; въ *Роб-Роѣ* таинственная Діана Вернонъ и самъ таинственный Роб-Рой; въ *Астрологѣ* — полуволшебница цыганка; въ *Антикваріѣ* нищій, который все знаетъ, все видитъ и всюду имѣетъ доступъ; въ *Единбургской темницѣ* Георгъ Робертсонъ; въ *Ламермурской невѣстѣ* Алина Грей, похожая на цыганку въ Астрологѣ, но лучшая колдунья, по-

тому что все предсказанное ею сбывается; въ *Иваноѣ* Король Ричардъ, котораго таинственность не весьма удачна: вотъ лица, покрывающія туманомъ тайны драмы Валтера Скотта, лица, много способствовавшія успѣху, но осуждаемыя строгимъ разсудкомъ.

Прежде нежели мы разсмотримъ ходъ романовъ Валтера Скотта, длинные и частые въ нихъ разговоры, подробности описаній, разнообразіе характеровъ и развязокъ (слабѣйшая и слишкомъ даже слабая сторона его сочиненій!), я долженъ разобрать, какого рода занимательность находится въ етихъ романахъ. — Всѣ признаютъ ету занимательность, всѣ соглашаются, что она до того овладѣваетъ читателемъ, что не позволяетъ ему никакого критическаго замѣчанія о нѣкоторыхъ невѣроятностяхъ, о неприятныхъ изображеніяхъ, нѣсколько низкихъ сравненіяхъ, иногда грубыхъ шуткахъ и говорливости

лицъ второклассныхъ. Не смотря на долгъ мой — замѣчать ошибки, искать причины дѣйствіямъ, сличать средства съ употребленіемъ оныхъ, — я былъ увлеченъ, какъ бы самой неопытный изъ читателей; я покорялся очарованію и пожиралъ страницы съ быстротою, къ которой глаза мои не привыкли. — Если скучное отступленіе, растянутая мысль, или романическое описаніе перерывало нить происшествій; то первое впечатлѣніе было такъ сильно, что любопытство ни мало не охлаждалось: етѣ препятствія походили на плотину, которая, неостанавливая потока, умножаетъ еще его стремленіе. — Я наконецъ догадался, что Валтеръ Скоттъ умѣлъ воспользоваться даже нетерпѣливостію читателя и употребилъ ее, какъ средство къ успѣху.

Но въ чемъ же состоитъ ета занимательность? Никто не плачетъ въ романахъ Валтера Скотта; самыя трагическія положенія, ужасная смерть

Ами Робсартъ, супруги Лейчестера, страшныя сцены въ Ламермурской повѣстѣ и множество другихъ положеній, въ которыхъ всѣ страданія и всѣ ужасы соединены вмѣстѣ, не извлекаютъ ни одной слезы; между тѣмъ какъ всѣ плачутъ о смерти Клариссы Гарловъ и Юліи Детанжъ. — Не смотря на ето, занимательность столь же велика въ романахъ Валтера Скотта, какъ и въ двухъ сочиненіяхъ, приведенныхъ нами въ примѣръ. — Кажется, я нашелъ причину етой странности.

Не легко рѣшить, почему романы Валтера Скотта такъ занимательны, хотя не трогаютъ до слезъ; или почему люди самые чувствительные, сами женщины читаютъ ихъ безъ слезъ, хотя занимательность доходитъ до высочайшей степени, хотя всѣ страсти въ дѣйствіи, хотя герои сихъ романовъ достойны всей нашей привязанности, подвержены величайшимъ опасностямъ и испытываютъ

ужаснѣйшія бѣдствія. Съ перваго взгляда кажется, что слезы лучшій признакъ занимательности; но романы Валтера совершенно опровергаютъ ето правило, ибо никто не станетъ отрицать ихъ занимательности и никто не будетъ плакать, читая ихъ. — Разсмотримъ причины етой странности.

Первая причина заключается въ томъ, что любовь никогда не занимаетъ перваго мѣста въ его романахъ; всѣ влюбленные поставлены въ тѣни, хотя они и главныя лица. — Любезный Францъ Осбальдистонъ весьма малъ въ сравненіи съ ужаснымъ Роб-Роемъ; Ваверлей также исчезаетъ подлѣ великаго Шотландскаго полководца Макъ-Ивора; Лейчестеръ слишкомъ честолюбивъ, чтобы любить страстно Емми-Робсартъ; любовь школьнаго учителя Бутлера холодна въ сравненіи съ неистовою страстью полу-разбойника Робертсона; самъ блестящій Иваной, побѣждающій

всѣхъ соперниковъ на турнирѣ, ничего не дѣлаетъ въ прочихъ мѣстахъ романа и менѣе дѣйствуетъ на воображеніе читателя, нежели Тампліеръ Буагибертъ, или даже извергъ Фрондебефъ; скромная любовь Мортона къ Миссъ Беленденъ ничто въ сравненіи съ пламенною привязанностію Бальфура Бурлея къ своей сектѣ. — Во всѣхъ сихъ романахъ любовь занимаетъ не первое мѣсто, и хотя она слезливѣе прочихъ страстей, но не производитъ обыкновеннаго своего дѣйствія въ сочиненіяхъ Валтера Скотта, будучи слишкомъ умѣренна и заглушена великими картинами политики, честолюбія, народной ненависти и различія мнѣній.

Другая причина, останавливающая слезы, даже когда бы онѣ должны литься рѣкою, есть пристойность и цѣломудріе любви въ Валтеровыхъ герояхъ. — Собственная дорбодѣтель утѣшаетъ ихъ въ горести и служитъ вознагражденіемъ за всѣ ихъ бѣдствія. —

Пусть непреодолимыя препятствія разлучают двух любовников: пока они невинны, несчастіе их производит в нас жалость умѣренную, ибо совѣсть их спокойна; но проступок важный, сопровождаемый раскаяніем и жестоко наказанный, раздирает сердце и исторгает слезы, ибо тогда невозможность брака дѣлает вину неизгладимою и неоставляет никакого вознагражденія несчастію. — Правило Аристотеля об трагедіи можно примѣнить и к роману: слабости необходимы в героѣ. — Притом же одна только страстная любовь нас трогает сильно; но когда она так благоразумна, как у Валтера Скотта; то мы не можем повѣрить, чтоб она могла быть причиною слишком сильной горести. — Кромѣ немногих исключеній, всѣ героини Валтера Скотта неспособны к слабостям и едва признаются самим себѣ в своих чувствах. — Ета скромность и цѣломудріе конечно весьма похвальны

въ романѣ; но женщины столь добродѣтельныя не могутъ быть страстны, и такая холодная привязанность для того только, кажется, занимаетъ мѣсто между происшествіями историческими, чтобы служить отдохновеніемъ и пріятною противуположностію съ ужасными явленіями, которыя война, фанатизмъ и разбои слишкомъ часто представляютъ устрашенному читателю.

Наконецъ послѣдняя причина не позволяетъ намъ плакать въ романахъ Валтера: всѣ его любовники, въ отношеніи къ характерамъ, уступаютъ другимъ лицамъ, которыя ихъ окружаютъ. Впрочемъ никакой литтературный законъ не принуждаетъ сочинителя романовъ ставить любовь на первое мѣсто и жертвовать любовнику прочими лицами. — Не платоническая страсть героя Ламанхскаго къ Дульцинеи дѣлаетъ Донъ-Кишота первѣйшимъ изъ романовъ; Жилблазъ преподаетъ намъ прекрасные уроки,

не докучая любовными жалобами. — Не будемъ искать въ романахъ Валтера Скотта, чего онъ самъ нежелалъ въ нихъ видѣть; а разсмотримъ ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ самъ хотѣлъ ихъ представить.

Много было говорено о планѣ и ходѣ его интригъ и самые обожатели его соглашались съ тѣми, которые замѣчали несообразности, положенія натянутыя, встрѣчи слишкомъ счастливыя, неискусныя связи и остановки; однакожъ видно, что етѣ интриги не такъ дурны, ибо занимательность и любопытство не только поддерживаются, но даже возрастаютъ ежеминутно; и весьма бы смѣшно было предписывать законы сочинителю, который, при всей своей неправильности, умѣетъ столько плѣнять насъ. Я знаю только то, что, прочтя двѣ главы одного изъ сихъ романовъ, невозможно уже оставить Валтера Скотта; должно слѣдовать за нимъ до конца; а сочинитель,

такъ самовластно управляющій своими читателями, вѣрно выбралъ къ тому средство недурное, хотя, по мнѣнію нашему, и отступилъ отъ прямаго пути.

Наконецъ мы дошли до того, что́ составляетъ главное достоинство сихъ романовъ, независящее отъ большей или меньшей занимательности, и показываетъ въ Валтерѣ Скоттѣ столь же глубокаго моралиста какъ и остроумнаго повѣствователя. Всякой угадаетъ, что я говорю о характерахъ. Исключая любовниковъ, которыхъ сочинитель, видно, почиталъ довольно уже отличенными этою страстію, всѣ прочія лица, отъ вельможи до послѣдняго слуги, имѣютъ свою собственную физіономію, страсть, добродѣтель, или порокъ первенствующій и составляющій съ другими менѣе важными качествами характеръ цѣлый, оригинальный и примѣтный. Всѣ отличены чертами, имъ только при-

надлежащими; если одна и таже страсть, порокъ, или добродѣтель, находится во многихъ лицахъ, то сочинитель различаетъ ихъ искусными оттѣнками; и когда мы замѣтимъ, что въ каждомъ дѣйствуютъ отъ сорока до пятидесяти лицъ, не имѣющихъ ничего общаго съ лицами другихъ романовъ, то не льзя не удивляться воображенію сочинителя, который изъ малаго числа страстей первообразныхъ составилъ столько различныхъ характеровъ. Но всего удивительнѣе, что ето разнообразіе замѣтно не въ однѣхъ главныхъ лицахъ, но равно и въ самыхъ даже слугахъ. — Ричь Монниплейсъ, Кудди, Андрей Ферсервисъ, Калебъ и прочіе, столько же различны между собою, какъ Бурлей и Варденъ, Роб-Рой и Макъ-Иворъ, Лечестеръ и Букингамъ.

Но и тутъ, равно какъ въ другихъ частяхъ искусства, успѣхъ близокъ къ излишеству, и Валтеръ не всегда умѣлъ избѣгать его. — Подобно

ваятелямъ, которые слишкомъ означаютъ мускулы, чтобы показать свои познанія въ Міологіи, нашъ Авторъ иногда выводитъ за предѣлы рѣзкость своихъ очертаній. — Попавъ на счастливую мысль, онъ боится, что читатель не замѣтитъ ея, и потому повторяетъ ее ежеминутно, усиливая при каждомъ повтореніи; если же хочетъ изобразить говоруна, то наполняетъ цѣлыя страницы его пустословіемъ, забывая, что терпѣніе слушателя не всегда равняется болтливости оратора. Однако можно замѣтить, что такіе примѣры дурнаго вкуса очень рѣдки у Валтера Скотта, и всегда вознаграждены прелестью разсказа. Я далекъ отъ того, чтобы порицать въ немъ характерныя черты, когда онѣ выбраны и помѣщены со вкусомъ, что̀ весьма часто случается; но и тогда надобно припомнить, что говорила Коринна Пиндару: „Должно сѣять рукою, а не высыпать всего мѣшка."

Какъ ни быстръ ходъ романа, но все въ немъ бываютъ частыя остановки, служащія отдохновеніемъ вниманію читателя. — Предшественники Валтера Скотта пользовались етими остановками для помѣщенія описаній, нужныхъ для объясненія, или украшенія предмета. — Ета метода, неостанавливающая никогда дѣйствія и невозбуждающая нетерпѣнія въ читателѣ, вѣроятно показалась слишкомъ проста изобрѣтательному генію Валтера; ибо онъ какъ нарочно помѣщаетъ описаніе урочища, или костюма, размышленіе о характерѣ или положеніи дѣйствующаго лица, вездѣ, гдѣ любопытство читателя, выходя за предѣлы, жаждетъ только повѣствованія и хочетъ знать окончаніе начатаго. — Если герой долженъ съ кѣмъ нибудь имѣть свиданіе самое важное, отворяетъ уже дверь и является передъ человѣкомъ, котораго приемъ рѣшитъ общую ихъ судьбу; жестокой Валтеръ Скоттъ, не

смотря на все наше нетерпѣніе и досаду, оставляетъ своихъ дѣйствующихъ, и не начиная разговора, забавляется описаніемъ халата, колпака, или очковъ хозяина; разсказываетъ намъ, что́ дѣлалъ, что́ думалъ онъ передъ приходомъ другаго; а часто даже занимаетъ насъ его предками, или давнишними его проказами. Иногда всего хуже то, что въ сихъ вводныхъ и скучныхъ описаніяхъ вовсе не упоминается о дѣйствующихъ лицахъ, а сочинитель описываетъ для собственнаго своего удовольствія. Многіе скажутъ, что такія препятствія умножаютъ занимательность; но всего вѣрнѣе заключить такъ: видно, что романы Валтера Скотта весьма занимательны, ибо столь частыя и неумѣстныя описанія не мѣшаютъ имъ нравиться.

Развязки у Валтера почти всѣ неудачны; и какъ ето всѣми признано, то мы и не будемъ говорить объ

нихъ. Въ письмѣ къ одной дамѣ Авторъ извиняется, говоря, что послѣднія чашки чаю всегда хуже первыхъ; но она моглабы отвѣчать ему: „это отъ того, что подливаютъ въ чайникъ воды, не прибавляя свѣжаго чаю; и вы точно то же сдѣлали въ большей части вашихъ романовъ.“

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страп.

